

Давид Фабрикант

Да разве сердце позабудет

По воспоминаниям бывших узников
гетто и концлагерей, беженцев Катастрофы,
воинов-фронтовиков и тружеников тыла

На обложке кадр из фильма “Список Киселева”
режиссер Ю, Малюгин, продюсер Я. Каллер

Предисловие

Во время Второй мировой войны автор этой книги успел вместе с семьей эвакуироваться в советский тыл, но, тем не менее, тема Катастрофы европейского еврейства Давиду Фабриканту близка. Многие его родственники погибли в борьбе с фашизмом. Раскрытие новых фактов очень важный, хотя и нелегкий процесс. Среди нас все меньше живых свидетелей той страшной трагедии нашего народа и поэтому труд, связанный с Холокостом, вызывает глубокое уважение и восхищение.

В Израиле Давиду Фабриканту удалось издать две книги «Если бы земля могла говорить» и «Звездочки не гаснут». Он бережно собрал неизвестные ранее факты Холокоста и вот новая книга – трилогия «Нам дороги эти позабыть нельзя». Она о тех, кто выжил в гетто и концлагерях, беженцах, фронтовиках, кто работал в тылу и сражался. Героями новой книги являются в основном жители Хайфы.

Я знаю, что для подготовки как новой, так и предыдущих книг, Давид проделал очень большую работу. Он фактически стал хранителем воспоминаний тех, кто долгое время их скрывал даже от самых близких. Эти факты необходимо сберечь и передать новым поколениям. Благодаря таким бескорыстным и благородным людям как Давид Фабрикант, мы по крупицам узнаем о трагических страницах истории еврейского народа. Его труд дает нам силы и уверенность – то, что произошло в годы Второй мировой войны, никогда не повторится.

Юлия Штрайм
Заместитель мэра Хайфы

6 000 000

Как детям объяснить: шесть миллионов,
Исчезнувших в застенках навсегда,
Замученных, отравленных «циклоном»,
Расстрелянных, повешенных, сожженных?
Никто не видел слез, не слышал стонов,
Весь мир был равнодушен как всегда.

Шесть миллионов. Нам представить страшно,
В какую бездну их толкнули ниц.
Шесть миллионов напрочь стертых лиц,
Шесть миллионов – целый мир за каждым.

А сколько несвершившихся открытий,
Талантов? Кто узнает их число?
Шесть миллионов оборвалось нитей,
Шесть миллионов всходов полегло.

Как вышло так: прошли десятилетия,
И через реки крови, море слез
То тут, то на другом конце планеты
Подонки отрицают Холокост?

Автор неизвестен

Вступление

Не припомню чтобы человечество когда-нибудь видело такие ужасные трагедии, как с 1939 по 1945 годы, годы Второй мировой войны. 60 миллионов убитых граждан, умерших от голода и холода, попытка уничтожить еврейский народ. От подобных попыток экзекуций, массового убийства людей Холокост отличается масштабами, изощренностью издевательств: их не просто расстреливали, их вешали, сжигали, уничтожали в душегубках, закапывали живыми в ямы, сбрасывали в шахты, отравляли ядом, топили в реках, проводили медицинские эксперименты, насиловали и т.п.

Стоит ли писать об этих ужасах, страданиях, горе, через которые прошли миллионы граждан, которым укоротили жизнь, о том что пережили спасшиеся от коричневой гитлеровской чумы? Нужно! – ответили мне многие люди, испытавшие на себе, что такое фашизм. Нужно! – потому что будущие поколения должны знать, помнить, что творили в странах Европы нацисты. Нужно! – чтобы человечество не позволило человеконенавистникам повторить подобное.

Еще вчера они радовались теплой погоде, солнышку, пролетающим птичкам, зеленой травке. Дети играли в классики, чижика, прятки, даже в войну, хотя никто не представлял, что же это такое. У них был теплый дом, вовремя пища, пусть у одних более разнообразная, более изысканная, но как вкусно пахли борщ или суп, свежая рыба или кусочек мяса с жареной картошкой. Лес, речка, веселый гомон ребятишек... В одно мгновение все пропало, все забыли, что такое грибы, что такое купание в водоеме, не обращали внимания на птичий щебет, исчезли смех, радость, поцелуи были горькими, потому что это были прощальные поцелуи. Вместо всего этого появились бомбы, взрывы, огонь, дым,

люди с автоматами, очереди в магазины и ... смерть, смерть, смерть..., рвы и ямы, крытые машины с газом... Хочу заранее предупредить, что количество погибших в Холокосте по разным городам, местечкам и всего в годы Второй мировой войны, а также беженцев в разных источниках не одинаковы. Вы это увидите в процессе чтения и на таблице в конце книги.

Оглянуться назад? Страшно, больно, слезы текут сами по себе. Но нужно. До выпуска книг и после я встречался с многими бывшими узниками гетто и концлагерей, беженцами, которые сказали, что тему второй книги нужно продолжить, что есть много людей, которым есть что рассказать, ведь с каждым днем их, увы, становится все меньше. В книгу включены несколько историй из жизни бывших узников, беженцев, которые чуть постарше, им было не более двадцати двух лет на начало фашистской агрессии.

Книга состоит из трех частей. В одной рассказывается о тех, кто в силу разных обстоятельств сумел выбраться из ада оккупации, во второй – в каком бедственном положении оказались люди, успевшие эвакуироваться, об их труде в советском тылу, в третьей – о тех, кто был призван позже, кто внес неопенимый вклад в победу Советской Армии, в разгром немецко-фашистских войск.

Уникальность беженства в СССР в том, что все европейские страны были захвачены полностью, евреям, фактически, бежать было некуда. В преддверии Второй мировой войны попытки найти место, где бы им не грозил фашизм, наталкивались на непонимание других держав, они не желали принимать у себя евреев. Огромная территория Советского Союза позволила эвакуированному населению найти убежище на Урале, в Сибири, Средней Азии, на Кавказе.

Акцент, как и во второй книге, сделан на детях, юношах. Трудно взвесить, кому досталось больше – мамам, видевших, что их дети стоят под прицелом фашистов, умирают от болезней, пухнут от голода, или самим ребятам, у которых забрали радость детства, игрушки, еду, нередко родителей,

друзей. У каждого был свой путь, независимый от него самого, своя судьба, ведшая к смерти или мимо нее, постоянные трудности. Преодолеем минутную слабость, откроем дальнейшую страницу, может быть она о тебе, дорогой читатель, о твоих родных, близких. Может быть ты многое не знал о том, что происходило в эти роковые годы. Прочитай.

Венгерский писатель, журналист, автор ряда книг, лауреат Нобелевской премии в области литературы Имре Картеш прошел через лагерь смерти Освенцим, Бухенвальд, лагерный номер 64921, был освобожден 11 апреля 1945 года американскими войсками. Он написал: «Я не сержусь на соотечественников за то, что они не читают мои книги, я ведь знаю, что такое кошмарный сон. Как хочется отмахнуться от него. И проснуться невозможно. Просто я не имею на это право. ...Такая у меня профессия – голосить на весь свет и принимать на себя удары воспоминаний!»

Очень благодарен моим собеседникам: бывшим узникам концлагерей и гетто, беженцам, ветеранам войны и труда, которые поделились своими переживаниями в тяжелые часы грозной битвы с фашизмом. Искренняя признательность доктору исторических наук Лениду Смиловицкому за критические замечания, ветерану Великой Отечественной войны Борису Кагану, председателю Комитета ветеранов войны района Адар в Хайфе Григорию Непомнящему за помощь, консультации в написании книги.

Мы из гетто

Зачем я здесь?

Для ленты кинохроник

Уже я эти камни исходил.

Все в жизни тленно,

Все в земле схоронят.

...Для памяти не вырыто могил.

«Бухенвальд», В. Туркин

Война – день первый

«Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо условий, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории...»

/ Из выступления Народного комиссара иностранных дел В. Молотова в 12-00 22 июня 1941 года /

К моменту этого сообщения прошло уже более 8 часов с начала войны. Командующие армиями в 3-30 утра докладывали о налете немецкой авиации на города Белоруссии, а в 3-40 на Каунас. В этот день были подвергнуты бомбардировке также другие города. В 4-20 в Москву ушло донесение из штаба Западного особого военного округа о налете авиации на Минск, из 3-й армии сообщали, что 60 самолетов бомбят Гродно, в это же время шло бомбометание на крепость, жилые дома Бреста. «Город горит», – доложили из 4-й армии.

22 июня атаке фашистских летчиков подверглось 66 приграничных аэродромов, за первые два часа было уничтожено 1200 боевых советских самолетов: 800 на земле и 400 в воздухе. Только на территории Белоруссии «Люфтваффе» сожгли 528 машин, не дав им подняться с аэродромов, еще 210 сбито в воздухе (387 истребителей и 351 бомбардировщик). Так, 9-я смешанная авиадивизия из 409 самолетов потеряла 347, 10-я – из 231 – 180, 11-я – из 199 – 72. Горели советские самолеты, так и не сумевшие подняться в небо, в Слепянке (под Минском), Витебске, Щучине, Лепеле, Полоцке... Не на много лучше было

положение на Юго-Западном фронте. Немецкие летчики нанесли удары по десяткам аэродромов Украины, вблизи городов: Киев, Стрый, Богушев, Станислав (Ивано-Франковск), Бучач и др. Бомбили Смоленск, Псков. Советские летчики уничтожили в тот же день 244 вражеских самолета. Шло кровопролитное сражение на протяжении всей границы двух стран, сражение с фашизмом.

Из воспоминаний Инны Гурович – Минск (Комсомольская правда, 23.01. 2010)

«Погода стояла с утра ясная и солнечная. Мы готовились к открытию Комсомольского озера, которое сооружали все минчане. А тут стали падать бомбы и появились первые убитые. Я в промежутке между налетами побежала к своей школьной подруге. Только добежала, как стали бомбить электростанцию, которая была рядом с ее домом. Вылетают окна, двери, а мы стоим с ней, прижавшись друг к другу. Земля движется под ногами, очень страшно. Потом я побежала к нашему дому на улице Садовой, теперь улица Янки Купалы. По дороге встречаю раненых, кругом горят здания, вокруг все пропитано дымом, гарью. Нашего дома, где жило пять семей, уже нет. Я помню чувство ужаса и отчаяния. Куда бежать? Что делать?

...Не забыть мне этот день и страшный уход из Минска по трассе Минск – Могилев. Я помню, как возле мертвой мамы плакал ребенок».

С разных мест в Москву поступали сведения о готовящемся нападении на СССР, но правительство во главе со Сталиным игнорировало эти сообщения. 22 июня 1941 года ночью через реку переплыл немецкий солдат, который рассказал, что на границе стоят дивизии, им приказано через два часа начать боевые действия против Красной Армии.

В эту же ночь от командующего войсками Прибалтийского особого военного округа генерал-полковника Ф. Кузнецова поступила директива военным советам 8-й и 11-й армиям. Время 2 часа 25 минут.

«1. Возможно в течение 22-23. 6. 41г. внезапное нападение немцев на наше расположение. Нападение может начаться внезапно провокационными действиями.

2. Задача наших частей – не поддаваться ни на какие провокационные действия немцев, могущие вызвать крупные осложнения».

Далее приказано, чтобы при попытке полета немецких самолетов не показываться и, пока они не начнут боевые действия, огня не открывать. Подобная директива была направлена командующему Западными особыми военными округами за подписями Тимошенко и Жукова.

Фашистские летчики залетали в тыл страны на глубину до 300 километров. В первый день войны были нанесены удары с воздуха по городам Белоруссии: Барановичи, Белосток, Брест, Волковыск, Лида, Пинск; на Украине: Житомир, Львов, Одесса и т.д. 22 июня на ряде участков танковые части врага проникли на территорию СССР на 50-60 км. вглубь, используя брешь между флангами Северо-Западного и Западного фронтов, немцы продвинулись за двое суток на 120 км.

Отрывок из письма Тамары Головченко: «Мы приехали с мамой из Гомеля на каникулы к бабушке в Копыль, который тогда был возле самой границы. Рано утром 22 июня появились наши отступающие части, их обстреливали немцы с самолетов. ...появились гитлеровцы, вскоре виселицы. Мама была связной у партизан. Мне часто вместо мамы приходилось идти на связь с партизанами. Я не знала истинной цели, мне говорили, что иду в деревню за продуктами. Но нас выследили, арестовали, вывезли в Слуцкую тюрьму... Потом нас отправили в Тростенец, а из него в Освенцим».

В первый день войны немцы захватили деревню Альбинга Клайпедского района Литвы. Вначале ограбили все дома, потом сожгли, 42-х жителей загнали в сарай и заперли. Расправились с ними во второй день, вначале расстреливали мужчин, затем женщин и детей.

В книге воспоминаний «От Бреста и до Бреста» Борис

Овецкий, находившийся в 4 километрах от границы и проходивший службу во взводе управления артиллерийского дивизиона в Брестской области, поселке Домачево, рассказывает:

«...проснулись мы от непрерывного гула в небе – и на высоте, и низко над нами летели самолеты, несмолкающе грохотали дальнобойные орудия. ...Почему-то запомнилось услышанные тогда слова: «Маневры это, возможно, учения...».

Когда дивизион выдвинулся на проезжую часть дороги, то «...мы увидели людей, бегущих из города с криками, плачем, что-то рассказывающих. ...сзади им в спину стреляли догонявшие их мотоциклисты, которые пытались прорваться дальше. Мы открыли по мотоциклистам беспорядочную стрельбу из карабинов, тут я впервые осознал, что стреляю в человека. Немцы повернули назад. ...Я до сих пор вижу расширенные от ужаса глаза жителей Домачево, испытываю угрызения совести за то, что мы их невольно обманули, предали. Ведь они все попали в западню и погибли».

/Овецкий Борис. Ранен в Белоруссии. Награжден орденами Боевого Красного Знамени, двумя - Отчественной войны, Красной Звезды и медалями. Член Союза воинов и партизан-инвалидов войны с нацистами./

В тот же день 23-00 в Англии по радио выступил Уинстон Черчилль. Он сказал:

«Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которые я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает.

...Я вижу русских солдат, стоящих на пороге родной земли,

охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен.

Я вижу их, охраняющих свои дома, где их жены и матери молятся ...о возвращении своего кормильца...

Я вижу десятки тысяч русских деревень, ...где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети.

Я вижу также вымуштрованную послушную серую массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи...

...Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь».

В книге Д.Волкогонова «Триумф и трагедия. Политический портрет И.Сталина» есть пример, который говорит о безалаберности в штабах армии, о разноречивости приказов, спускаемых сверху. Командующий 8-й армией Прибалтийского особого военного округа позже напишет: «В ночь на 22 июня я лично получил приказание от начальника штаба округа генерал-лейтенанта Кленова П.С. в весьма категорической форме – к рассвету 22 июня отвести войска от границы».

Начальник штаба Западного фронта генерал-майор В.Климович сообщил в Генштаб о том, что на 18-00 22 июня «...противник овладел рубежом Граево, Кольно, Ломжа, Петково, Чижев, Цехановец...». В первый день войны гитлеровская армия заняла город Брест - считанные часы понадобились фашистам для его захвата, ворвались уже в семь утра, правда гарнизон в крепости мужественно сражался до 20 июля. В тот же день немцы вошли в города: Малорит, Сувалки (Брестская область), Алитус (Литва), Рава-Русская (Львовская область), в ноль часов 38 минут следующего дня советские войска оставили областной центр Гродно.

23-го июня немецкие войска ворвались в города Каунас, Эйшишкес (Литва), Айзпите (Латвия), Береза, Кобрин, Пружаны (Брестская область), Высокое (Гродненская

область), Владимир-Вольнский (Ровенская область); Вильнюс был занят 24-го июня; 26-го – Шяуляй; 28-го – Минск, Бобруйск; 30-го – Львов...

По две стороны

Вроде люди жили все между собой тихо, мирно. Но пришли немцы и все изменилось. Началась совсем другая жизнь, другие отношения. Одни стали к расстрельным ямам, за колючую проволоку, стена от издевательств над собой, над своими чадами. Другие разделились на тех, кто по доброй воле пошел на услужение врагам, став убийцей, кто воспользовался войной, чтобы грабить, вселиться в чужие дома, которые еще хранили тепло еврейских и других семей, а в печах стояли недоеденные супы, субботний челн; разделились на тех, кто радовался, что дорвался до власти, до беспредела, смеялись, показывая на жертв пальцем, вот, дескать, пришло время расплаты, радовались чужому горю. Но они не задумывались, что на чужой беде счастье не построишь, что беда может коснуться и их семей. Сегодня им повезло. Они тащили в свой дом табуреточки, на которой вчера еще сидел чей-то малыш, подушки, одеяла, трусики, кастрюли, а кто-то, наоборот, волок свое барахло в дом тех, кого вчера пристрелил, забывая, что только в своем доме стены греют. Им нравилась чужая обстановка, они хотели согреть тело свое и родных в чужих пенатах, спать на подушках узников, под одеялами погибших. Они ходили в костелы, церкви, молились. Но не бог им дал все это, а фашисты, Гитлер. И за это холуи были готовы славить кого угодно, делать все, что прикажут: грабить, убивать, жечь, насиловать.

Вторая, более многочисленная группа, щелкала семечки, любовалась виселицами, наблюдала за теми, кто оказался за колючей проволокой. Им было безразлично, что завтра будет с узниками, спокойно копали ямы для них. Убивают евреев? Значит так надо. Безразличие к судьбам других – их

отличительная черта.

Были, конечно, такие, кому не нравилось происходящее, кто хотел помочь бедствующим и помогал, кто хотя бы сочувствовал этим людям, бывшим соседям, да и незнакомым. Им сегодня воздают славу, помнят о них, в первую очередь, в еврейской стране - Израиле. Музеи Яд ва-Шем, Лохамей ха-Геттаот, люди мира чтят память тех, кто рисковал своей жизнью для спасения евреев, их называют Праведниками мира.

Через муки – к науке

Авраам Бодневаас родился в небольшом литовском городке Ротишкес, половина жителей которого были евреи. Отец Ицхак учился в детские годы в иешиве Любавичского ребе, сына отправил постигать премудрости жизни в хедер. Молодой Авраам поступает в Вильнюсский университет на химическое отделение. В 1941 году он заболел тифом. Навестить сыночка приехала мать. А тут война, в город ворвались немецкие части. Начались погромы, убийства, но в эпидемиологическую больницу, где лежал Бодневаас, заходить боялись. Едва он поправился, вышел из лечебного учреждения, его и мать отправили в Вильнюское гетто.

- Литва была цветком еврейского народа, здесь жили люди высокой интеллигентности, - рассказывает 90-летний Авраам. – И почти все они оказались в концлагерях, гетто, ведь гитлеровцы захватили всю Литву за первую неделю войны. Нас заставляли работать. ...Где? Куда пошлют. Позже я узнаю, что все мои родные: отец, старшие братья Залман и Янкель, другие родственники, почти все евреи Ротишкеса были расстреляны. Литва стала кладбищем для большинства моих соплеменников. До оккупации здесь жило 240 тысяч евреев, погибло 210-220 тысяч. В 1943 году меня, маму и других, оставшихся в живых, повезли в концлагерь Штуттгоф, вскоре загнали в Освенцим – Бухенвальдское отделение. Там погибла моя мама Рахель.

И только порой под сердцем
Кольнет тоскливо и гневно:
Уходит наш поезд в Освенцим
Сегодня и ежедневно.

Александр Галич

Эшелон в Освенцим

Я был худой как палка, еле держался на ногах, но знал, дай слабинку, присядь, приляжь, и тебя тут же расстреляют. Вставал утром и шел работать. Нас часто отправляли трудиться в аэропорт. Если в мусорных бачках находили остатки какой-либо пищи, то были очень рады. Однажды, когда мы шли на работу, налетела авиация, Красная Армия была где-то рядом. Охрана разбежалась, попряталась. Я и еще один еврей тоже нашли местечко чуть поодаль от дороги и притихли. Когда всех повели дальше, мы прятались, стараясь не попасть на глаза людям. Мы уже поняли, кто есть кто. Все же дождалось прихода наших частей. Мне сегодня не верится, что столько пришлось пережить, перестрадать.

...Авраам радовался – он свободен. Но мытарства продолжались, он попадает в руки СМЕРШа. Дотошно спрашивают о каждом его шаге в годы оккупации. Но ничего предвзятого в истории молодого парня не нашли и отправили в воинскую часть. В мае 1946 года Бодневааса демобилизовали. Благо документы в университете сохранились, он продолжил учебу. Ни родных, ни дома. Ходил в гимнастерке, учился и работал, жить-то нужно,

кушать тоже. Хорошо, что далеко ходить не надо было, тут же в университете приняли лаборантом.

Через три года получил Авраам диплом с отличием, думал, что ему предложат место на кафедре. Но два пунктика мешали: во-первых, еврей, во-вторых, не вступил в партию. Секретарь парткома университета прямо в лицо ему сказала: «Всюду евреи лезут!» Хорошо, что заведующий кафедры подсказал ему идти в институт Академии наук. Там посмотрели на молодого специалиста - пять языков знает: литовский, русский, английский, немецкий в совершенстве. Прекрасно! Взяли. Работал заведующим отдела, можно было ездить, но только в соцстраны, а ведь были приглашения и в другие. В Германии Бодневаас читал лекции на немецком языке.

Авраамом опубликовано много научных работ в области износостойкости покрытий, ряд патентов на изобретения. Он успешно защитил кандидатскую диссертацию, в начале апреля 1971 года ему была присуждена ученая степень доктора химических наук. В феврале 1974 года был утвержден в ученое звание профессора по специальности «электрохимия». Через год ему вручен Диплом лауреата республиканской премии Литовской ССР за цикл работ по изучению процессов в области химического никелирования. Еще через девять лет Бодневаас получает премию Совета Министров СССР за разработку и внедрение в производство высокоэффективных технологий нанесения никелевых, цинковых, конверсионных и хромовых покрытий.

40 лет проработал Авраам Бодневаас в Академии наук. Он всю жизнь учился у других и долгие годы учил молодежь, выпустил в Литве более десяти кандидатов наук. К ордену Отечественной войны прибавился орден «Знак почета». В 1990 году Авраам присоединился к дочери, которая уже два с половиной года жила в Израиле. Ему было более 70 лет, но он не хотел сидеть дома. Пригодились знания ученого и в Хайфе. В 2009 году ему исполнилось 90 лет. Его поздравили: семья, бывшие узники концлагерей и гетто, были звонки,

телеграммы из Литвы, одна из них от президента Академии наук Литвы Матулиса. Все желали ему долгих лет жизни, доброго здоровья.

...Справка. Вильнюс захвачен гитлеровскими войсками 24 июня 1941 года. К началу немецкой оккупации в городе осталось 57 тысяч евреев. До Нового года погибло около 37 тысяч евреев Вильнюса. Позже расправятся с остальными.

Спасибо няне

Вот рассказ Яны Зупрамярите, которая жила в городе Алитус – Литва:

- 22 июня - этот день был кошмарным. Небо стало черным от самолетов, от взрывов, от дыма. А ведь вчера было солнечно, спокойно. Мы собирались пойти на реку, а тут такое... Фашисты из пулеметов поливали нас сверху градом пуль. Я остолбенела. Няня Ванда схватила меня за руку и потащила прятаться. Бежали долго, от усталости упала. Меня ранило. Няня наскоро перевязала, мы пошли дальше. Мне в те минуты было все равно, куда идти. Ванда сказала, что нужно ехать к ее сестре, там меня никто не знает, можно выдать за родственницу.

В Алитусе всех расстреляли, всю мою семью: папу Самуила, маму Блюму, братика Ицхака – ему было всего шесть лет. Уничтожили всю нашу еврейскую улицу, всех евреев города. Кроме меня, спаслась еще моя подруга Эта Хаэт. (В Алитусе расстреляно 1279 евреев, из них 352-е детей. Выжил Лазарь Цвилинг, который сбежал с места расправы. Весь период оккупации он прятался у крестьянина Стасиса Гавелиса из деревни Удрия. Родители Лазаря погибли в сентябре 1941 года в лесу Видзигириса. – Д.Ф.)

У сестры моей няни не так уж было и безопасно. Выходить лишний раз на улицу было невозможно, могли донести. Меня, двенадцатилетнюю, отправили в партизанский отряд, где я пробыла до 1943 года. Помогала им, что было в моих силах. Когда освободили нас от фашистов, меня отправили в детдом,

Гроховецкие лагеря, потом в город Киров. Поселили в одну семью. Потом вышла замуж и переехала в Харьков.

На торфоразработки был отправлен вместе с отцом еврейский поэт Гирш Глик (1922-1944). Он продолжал писать стихи и Вильнюсском гетто, читал их узникам, стараясь приободрить их. На музыку Дмитрия Покраса «То не тучи...» он сочинил стихотворение «Зог ништ кейнмол» (Никогда не говори), которое стало гимном вильнюсских партизан.

Не говори, что это наш последний путь,
И свет погас, и над землей лишь тьма и жуть.
Еще взойдет наш свет желанный, светлый весь,
И прогремит наш шаг, и прогремит: «Мы здесь!»

Когда в 1943 году началась ликвидация гетто, Гирш решил бежать. Он пытался прорваться сквозь оцепление немецких палачей, но его схватили и отправили в концлагерь Голдфилд (Эстония). Летом 1944 года совершил новую попытку побега, удачно. Но вскоре погиб в бою с нацистами.

Молдавия

Советской республикой она стала совсем недавно. Многим были в диковинку социалистические порядки. Румыния для них была более близка, почти все знали румынский язык, могли общаться с соседями. Евреи вовсе не ожидали, что с приходом немецко-румынских войск, станет жить невмоготу. Фашисты провели массовые акции по их уничтожению. На территории Молдавии было создано более 30 гетто и концлагерей. Тут же начались расправы с еврейским населением. В Косоуцком лесу расстреляли 6 тысяч человек, в концлагере Вертюжен - 7560 евреев, Дубоссарах - 12 тысяч, Яссах – 15 тысяч евреев, первая партия из них была уничтожена уже 28 июня. В годы войны в республике погибло около 300 тысяч евреев. Далее рассказ об одном пареньке, спасшегося из этого ада.

Обычная еврейская семья из семи человек жила в местечке Сокиряны. У Меера и Перл Бенехис было пятеро детей:

старший Иосиф родился в 1921 году, Шолому было 17 лет, Риме исполнилось 13 лет, младшей Енте - семь лет, Борису, ныне живущему в Ашдоде, в ту пору было около одиннадцати годков.

- Немцы, румыны, местные негодяи провели в местечке несколько погромов: убивали, избивали, грабили, длилось это 3-4 дня, - рассказывает Борис Бенехис. – В лагере Сокиряны находилось порядка 20 тысяч человек. Затем нас вместе с колоннами евреев из других городов и селений этапом гнали неведомо куда. На дороге оставались люди, которые не в силах были дальше двигаться. Румынские солдаты-конвоиры и местные полицейские побоями вынуждали близких оставлять этих немощных людей.

Такая трагедия постигла и мою семью. Мать в агонии осталась лежать в Косоуцком лесу, средний брат Шолом – на высоком правом берегу Днестра. Отца, умершего в каком-то хлеву в Ободовке, во время привала унесли. В гетто села Балановка вблизи Бершади от сыпного тифа умерли две моих сестры, их тела тоже унесли. Эти события произошли в относительно короткий срок с начала июля до декабря 1941 года. Месяцев пять мы были в дороге по пути в гетто. За это время, словно ручейки, в наши ряды вливались евреи из мест, по которым тянулись обездоленные, голодные, промерзшие люди.

...Первый год узникам разрешали идти в село просить подавание. Одни пускали погреться, делились едой, другие натравливали на ребят собак, иногда их поход был впустую. Три года Борис, мальчишка 11-13 лет, вместе с братом Иосифом вел борьбу за выживание. От сыпного тифа валились и более взрослые, крепкие, но ребята держались, помогая друг другу. Вместе приедут и в Израиль, к сожалению, старший брат Иосиф в 2008 году умер.

.....

В городе Бричаны жило около 10 тысяч евреев, в том числе и семья Бакал. Главу семьи отправили на рытье окопов,

остальные не смогли эвакуироваться. Всего-то сумело бежать от фашистской напасти 100-120 семей бричанцев. В начале июля советские части покинули город, в него вошли передовые немецкие войска.

Пишет Лев Бакал:

- Жители-румыны нападали на тех, кто пытался бежать, отбирали имущество. ценности. Румынские солдаты собрали у синагоги евреев Бричан и погнали к Днестру, ничего не дали взять с собой. Нас переправили на другой берег, но в села заходить запретили. Потом поступил приказ идти обратно. По дороге на Сокиряны несколько дней провели в свинарнике, никто и не думал нас кормить.

Оттуда всех привели в страшный Косоуцкий лес, где нас разделили. Часть колонны ночью заставили рыть самим себе могилы и расстреляли. Было много раненых, но яму тут же закопали. Вторую часть разместили в Сокирянах в пустующих домах. Запомнилась большая скученность, грязь, болезни, самое главное – голод. Ежедневно хоронили по 20-30 человек.

Измученных евреев вновь погнали к Днестру в местечко Атаки. По дороге пристрелили бабушку Лею Бакал, силы покинули ее. Мама моя рассказывала, что на мосту через реку румыны расстреляли и сбросили в Днестр столько людей, что она стала красной от крови.

Этапы нашего кровавого пути, по которому узники Сокирянах, других местечек шли: Могилев-Подольский, Бершадь, село Устье, где продержали в бывшей конюшне, гетто в Затишье. Одна женщина предложила маме вынести меня из гетто в мешке из-под картошки. Звали ее Мария Герасименко. Нас освободили в середине марта 1944 года.

Белоруссия

Гитлеровский вермахт старательно готовился к уничтожению евреев. Были созданы четыре специальные айнзацгруппы для подавления малейших вспышек недовольства, но, в первую очередь, для уничтожения еврейского населения.

Айнзацгруппа «А» действовала в Прибалтике, «В» - в Белоруссии и в московском направлении, «С» - на Украине, «Д» - на юге Украины, Транснистрии. В Прибалтике, на Украине часть жителей приветствовала входящие немецкие части: одевали чистые белые платки, подносили хлеб, соль. Многие стали активными помощниками нацистов в уничтожении партизан, убийстве еврейского населения.

В одних местах переписывали их, собирали за день, за два до казни, порой в тот же день и расстреливали. В республике было создано 220 гетто. Наибольшее в Минске, где находилось более 100 тысяч человек. К ним добавили евреев Гамбурга и из других городов и стран... Убивали на улицах, в домах, поодиночке и большими группами. Массовые погромы, или, как их еще называют, акции, следовали одна за другой. 7 ноября, 20 ноября 1941 года и в последующие месяцы, вплоть до полного уничтожения узников. Но в гетто работало подполье, которое помогало людям бежать из этого ада. По некоторым данным из Минского гетто в партизаны было выведено от 700 до 1200 человек. Кроме этого были евреи, которые самостоятельно выбирались за колючую проволоку, пытаясь найти убежище в каком-нибудь далеком селе, тайниках, правда многие из них были схвачены и убиты. Далее рассказ о подростках, помогавшим другим спастись от неминуемой гибели.

Тропой жизни

Абрам на несколько секунд замер. Перед ним была ограда с колючей проволокой. Здесь нужно было вести себя очень осторожно, малейший шум мог обернуться гибелью его и военнопленных, которых он взялся вывести в партизанские места. Немецкие часовые стояли на расстоянии 50 метров друг от друга, а на заборе висели пустые бутылки, консервные банки, они при малейшем дотрагивании звинели.

Шестнадцатилетний паренек достал из кармана кусачки, стал аккуратно расчищать путь к свободе. Оглянулся назад,

узники показывают, что нужно торопиться, но Абрам Асташинский знает: поторопишься – погибнешь. Он отодвинул железные колючки в сторону, дал знак ребятам – ползите.

Ему уже не раз приходилось выводить группы людей из Минского гетто, в первую очередь военнопленных, врачей, в них больше всего нуждались в партизанских отрядах. Парню очень хотелось забрать в лес своих родных, но не мог нарушить приказ командиров. А в гетто по улице Широкой находились мать Белла, одиннадцатилетняя сестричка Рахель, другие родственники. Тетя Нехама заберет Рахель на трикотажную фабрику там же в гетто, где они, вместе с другими узниками, работали.

- В гетто я попал вскоре как оно было образовано, когда всем мужчинам старше 15 лет приказали собраться в одном месте. За оградой оказались белорусы, евреи, военнопленные, были только веревочные заграждения между нами. Я иногда перелезал к нашим солдатам, искал своего отца, но не нашел. Словами не передать, что там творилось. Уводили на расстрел тысячами. Каждое утро приходил комендант лагеря Городецкий с двумя овчарками и упражнялся в стрельбе. Двух-трех убьет и уходит усмехаясь, довольный собой. В лагере была создана команда из евреев, занимавшаяся похоронами убитых, руководил ею Ноах. Он подошел ко мне и сказал: «Давай мы тебя отправим на «тот свет», спрячем среди трупов, ты парень смысленный, сообразишь, что дальше делать».

К руке Абрама привязали бирку – на выходе полицаи сверяли по спискам тела вывозимых. Он лежал стараясь остановить дыхание, казалось сердце бьется слишком сильно. С боков, сверху лежали трупы расстрелянных, прикрытые мешковиной. Его выкинули в яму, но не засыпали, ждали пополнения. Когда наступила ночь, Абрам, весь продрогший, выбрался, а куда податься не знал. Решил пойти в гетто, где находились его родные. Голод заставил влиться в рабочую команду,

которая трудилась в Доме правительства. Там немцы формировали новые подразделения для отправки на фронт. Ребята кололи дрова, занимались уборкой помещений, территории. Иногда Абрам помогал поварам, за это они давали ему покушать, еще и для матери удавалось прихватить. Однажды он смог стащить у офицера пистолет.

- Вместе со мной работал светловолосый паренек, года на два старше меня, Зяма. Он мне сказал, что в гетто есть подпольная организация, что и я могу чем-то им помочь. Меня связали с Пруслиным, Столяревичем, позже с Ильей Мушником*. Приносил продукты, медикаменты, а главным дефицитом не только для узников, но и для партизан, была соль. Я воровал ее в немецкой столовой, передавал старшим товарищам. У подпольщиков была строгая конспирация, мы знали только своих десять человек. Одного из них – Зяму вскоре расстреляют. Его поймали, когда он хотел вынести автомат из здания Дома правительства. Вскоре мне поручили вывод за колючую проволоку военнопленных, других узников.

Абрам Асташинский с женой Асей

...Беседовал я с Абрамом Асташинским накануне Нового года. У меня возник вопрос: как проходил этот день в те тяжелые годы.

- Не до праздников было. Помню накануне этой даты встретил группу евреев из концлагеря, проводницей в которой была молодая красивая девушка Геня. Я был метрах в пятидесяти от них. Слышу крик одной молодой белоруски, стоявшей в стороне: «Пан! Там юде!» Это она подбежала к полицейскому посту и пальцем показывала на узников. Евреи, а там были в основном женщины, стали разбегаться. Но тут на мотоциклах подоспели, вызванные полицаем, фашисты. Началась стрельба. Кого-то убили, кого-то схватили. Одна женщина с ребенком бежала в мою сторону. Спасло то, что поблизости был стог. Я быстро прикрыл их в сене, сам спрятался там же. Когда все успокоилось, гитлеровцы увели пойманных, показал, как лучше добраться к партизанам. После войны Бельке, продавщица продовольственного магазина, та самая малая девчонка, которая спаслась в тот зимний короткий день, при встречах бросалась мне на шею... Вот тебе бабушка и Новый год.

Абрам Асташинский родился в Минске, недалеко от Юбилейной площади. В июне 1941 года сдал экзамены за седьмой класс. 22-го пошел с друзьями в детский кинотеатр на утренний сеанс фильма «Веселые ребята». Вдруг что-то загрохотало. Сеанс прервали, досмотреть фильм не смог, немецкие летчики бомбили город. Отца на второй день призвали в армию в противовоздушные войска, на фронте сражался и брат Борис. После войны Абрам будет искать следы отца, писать в разные организации, но так и ничего о нем не узнает. В сражениях с врагом погибнет и Борис. Семья пыталась бежать, договорились с женщиной, чтобы дал подводу, лошадку. Чуть живыми добрались до Смиловичей – по дороге несколько раз подвергались атаке немецких асов. Им сказали, что дорога на восток отрезана. Пришлось вернуться домой, а там большинство вещей уже разграблено. Невдалеке на улице Опанская стояли немецкие машины, часть разместили в их дворе, где был большой сад. Вскоре евреи оказались за колючей проволокой.

- Я не имел право выводить из концлагеря посторонних людей, только тех, кто был оповещен. 1,5-2 км ползком, стараясь не попасть под лучи прожекторов, обойдя эсесовскую часть, приводил узников к польскому кладбищу и небольшому костелу, оттуда в Старое Село. В нем находились партизанские связные, которые доставляли эту группу в лес. Многих евреев, в основном пожилых, детей, переправляли в отряды Бельского или Зорина. В другие отряды нашего брата без оружия не брали, да и с винтовкой не очень охотно.

Из гетто немцы посылали нас работать на товарную станцию, разгружать вагоны, грузить награбленное фашистами. Однажды я заметил открытый вагон с солью. Залез, набрал в мешок (он всегда был со мной), слышу крик «Хальт!» и тут же двери захлопнулись, как видно немец побежал за помощью. Окна были забиты досками. Отрываю их, сбрасываю мешок с солью вниз, сам следом, и под один состав, другой – ищи ветра в поле. Соль занесли партизанам.

В 1942 году Абрам Асташинский некоторое время работал, в так называемом, «Гамбургском гетто», фирме «Требич», занимавшейся строительством и ремонтом канализации, водопровода, нефтебазы на улице Долгобродская. Обо всем докладывал подпольщикам, а те - партизанам. Над евреями, привезенных из Гамбурга, Германии, Чехословакии, постоянно издевались инженеры Милиц, Майер, Грунтман, больных убивали. Трупы грузили на двуколку, впрягали евреев, и те везли на кладбище.

- Эти несчастные очень голодали. Всех мужчин кастрировали, даже несовершеннолетних, глумились над ними, как хотели. Многих вывезли на грузовых машинах к Зеленому переулку и расстреляли из пулеметов. Так и моя мать в сорок третьем погибла. А я ведь в мирное время здесь на лыжах катался.

В гетто проходили одна акция за другой. Январским утром 1943 года группу рабочих повезли из Минского гетто в сторону Ракова, сказали что на лесозаготовку, но узники, среди которых был и Асташинский, решили, что их после

работы расстреляют. В лесу Абрам посоветовался с товарищем Симхой Роговиным и еще двумя парнями – не пора ли удрать. Дождавшись, когда немцы и полицаи пошли обедать, а дежурить оставили только одного охранника, Асташинский подкрался к задремавшему гестаповцу, ударил топором. Узники побежали. 30 километров блуждали по глубокому снегу в лесу. Обувь давно уже расползлась, закутали ноги тряпками. Вышли на хутор Родивщина, там жили два брата, кузнецы, которые были связаны с партизанами. Здесь они отогрелись, покушали. Через день пришли ребята из партизанской бригады имени Чкалова. Так Абрам оказался в отряде бывшего командира Красной Армии, «окруженца» Ледяева, во взводе Гершона Цофина.

- Но Гершон меня предупредил: «Винтовок лишних у нас нет, постарайся сам добыть». Вскоре дали мне на время карабин и послали к шоссе следить за продвижением гитлеровцев. Вижу идет немец, причем один. Я к нему: «Руки вверх!» Забрал пистолет с кобурой, привел в отряд. А вальтер то новенький, загорелись глаза у начштаба. «Махнем?» - говорит и, не спрашивая, забирает мой трофей. Вместо него дал карабин, патроны. На том спасибо.

Через пару дней состоялась новая встреча с врагами. Вместе с группой партизан Абрам вышел на боевое задание. Залегли у шоссе. Когда мимо проезжала машина с гестаповцами, он прицелился и выстрелил. Попал в шофера. Второй немец, сидевший в кабине, труп тут же выбросил, сел вместо водителя и умчался. «Это была моя месть за погибших родных». Были жестокие бои с врагами на реке Ислючевка, на западе Минской области, у городов Воложин, Ивенец. Особо дерзким стал налет на железную дорогу на перегоне Богданово – Юратишки (Гродненская область) в начале июля 1944 года. Здесь застряло около двадцати немецких эшелонов с отступающими частями, техникой, имуществом, прихваченным у оккупированного населения. Фашисты выскакивали частенько в одних подштанниках, стреляли лишь бы куда. Партизаны разрушили

полотно, захватили большое количество трофеев, многие немцы сдались в плен. Вскоре Красная Армия освободила Минск, всю Белоруссию.

- Я искал хоть кого-нибудь из своих близких, но все погибли: отец Исаак, мама Белла, сестренка Рахель, брат Борис, бабушка, дедушка Цалка. Ему было 76 лет, но был очень здоровым, его сожгли в синагоге, там же уничтожили прадедушку Якова, тетусшек с семьями. Сожгли наш дом. Кто был в Минске в первые послевоенные годы, видел, что стало с городом - руины. Я остался один. Пошел в военкомат, меня направили в танковую школу города Харькова, и уже через три месяца я воевал с нацистами в 3-ем гвардейском механизированном полку освобождал Румынию, Венгрию, два раза горел в танке. После войны служил в Молдавии, демобилизовался в 1952 году.

...Абрам Асташинский вернулся в Минск, работал на грузовом троллейбусе. Я смотрю на фотографию ветерана Великой Отечественной войны. На груди награды за его партизанские батальоны: орден Отечественной войны 1 степени, медали «За отвагу», «Партизан ОВ», есть и фронтовые: орден Красного Знамени, медали «За боевые заслуги» и другие. В мае 1990 года семья Асташинских репатриировалась в Израиль. Он принял активное участие в работе Совета ветеранов войны Хайфского округа, отвечал за связь с бывшими партизанами.

* Илья Мушник был назначен председателем юденрата Минского гетто. В первых фашистских акциях были уничтожены его родители и сестра. Он поддерживал связь с подпольщиками города и гетто, организовывал побег узников в партизанские отряды, помогал партизанам, снабжая их медикаментами, теплой одеждой, обувью, деньгами. Илью Мушника в феврале 1942 года выдал провокатор. Его долго зверски пытали, но он никого не выдал. Во время побега из гетто Мушник был расстрелян.

Кавалер орденов Славы

На открытие искусственного Комсомольского озера пришло много народа. Особо искупаться в городе негде было, река Немига проходила по центру и была слишком маленькой. Поэтому городские власти решили создать водоем-озеро. На торжество поспешил и Леня Окунь со своими сверстниками. Вскоре после двенадцати часов среди гуляющих разнеслась весть: началась война с немцами. Берег озера быстро опустел. Праздник так и не состоялся.

Фашистские самолеты с самого утра атаковали город. Воздушная тревога звучала каждый час. Волнение в семье Окунь нарастало. Старший брат Леонида – Заля, семнадцати с половиной лет, находился в армии еще до начала боевых действий. Отец, служащий, работал, продолжительность смены увеличилась. 24 июня мать с двумя дочерьми, Машей и Женей, сыном Леней, собрав котомки, вместе с другими евреями отправилась на вокзал. Ни поезда, ни автобусы уже не ходили. Пришлось продолжить вынужденный поход пешком. На следующий день одна толпа встретилась с другой – встречной. Люди сообщили, что все дороги контролируют немцы, путь отрезан. Вернулись обратно в Минск.

Они увидели огромные разрушения, на улице Советской попали под бомбежку. Все вокруг было в огне, горел даже металл. 28 июня на их улице стояли немецкие танки. Леонид видел, как по городу гнали военнопленных, среди них было много раненых. Через несколько дней на улицах запестрели объявления: «Повешены 100 жидов в сквере Юбилейный». Пареньку врезалась картина, как на его глазах гестаповец стреляет в живот старого еврея. Он видел, как белорусы везли гитлеровцев по домам, показывали, где живут евреи. Через минуту-другую раздавались хлопки выстрелов. В одиннадцать с половиной лет Леонид стал мужчиной. Нужно было заботиться о матери, сестрах. В освобожденных домах он сделал три «схрона», чтобы семья могла избежать издевательств врага.

Часть улиц Минска огородили колючей проволокой, устроив гетто, куда загнали в конце июня 55 тысяч минчан. К августу число узников выросло до 80 тысяч. В нем оказалась вся семья Окуней, в том числе старшая сестра Леонида Маша с грудным ребенком.

- В гетто полагалось всего 70 граммов хлеба-эрзац – смесь муки с опилками. Я пристроился к зятю в рабочую команду, там иногда давали баланду. Выбирался за ограду, доставал что-нибудь из продуктов для родных. Мама вручила мне папины сапоги, попросила поменять их на еду. Вышел в город, когда стемнело. Зашел в один дом, мне насыпали в платок муки, и я, радостный, вернулся, вернее приполз, к своим. Развернули, а там оказался мел. Передать мою ненависть к тем людям невозможно.

...Фашисты выполняли приказ Гитлера, Гебеляса об уничтожении еврейского народа. 7 и 20 ноября прошли массовые убийства узников гетто. Расстрелы продолжались почти ежемесячно. Немцы схватили несколько сотен детей из детского сада, вывезли, бросили живыми в яму. Перед тем как закапывать, кидали вслед конфеты и смеялись. Мама Леонида решила, что любой ценой должна спасти сына. Она разузнала, что есть женщина, которая берется вывести еврейских детей в дальние села к местным крестьянам. Взяв ценности, что прятала от немцев и полицаев, в том числе обручальное кольцо, мать вручила их сыночку.

Леонид нашел женщину, вручил ей драгоценности, ночь провел в ее доме, на рассвете они вышли и направились в сторону Налибокской пуши.

- Ты иди вперед, так безопаснее, я тебя догоню, - сказала минчанка. Она отставала, отставала, пока вообще не исчезла.

- Я шел один по лесу голодный, продрогший, боясь любого

шороха. Солнце взошло. Вдруг передо мною волк, настоящий. Стоим и смотрим друг на друга. Оба голодные и трусливые. Я не желаю попасть ему в пасть, а он, наверное, боится, что у меня может быть оружие. Но на дорогу выехало несколько всадников, волк тут же сбежал.

- Кто? Откуда?

Леня рассказал о себе. Привезли его в деревню, в какой-то дом завели. Впервые за полгода он нормально покушал и отогрелся.

- Мальчик, дорогу назад знаешь?

- Нет, не пойду обратно в гетто, там меня убьют, - слезы выступили на глазах паренька.

- Необходимо передать эту записку одному товарищу.

Так началась тревожная, но другая жизнь Лени Окуня – связного партизанского отряда имени Суворова Чапаевской бригады. Он стал мостиком между узниками гетто и партизанами, хотя, по его признанию, с подпольем не был связан. Он начал выводить группы из гетто в определенное, раннее оговоренное место.

- Рисковали узники, рисковал я. Мне удалось сопроводить к партизанам примерно пятьдесят человек. Лесные солдаты оговаривали, кого нужно доставить в лес, кого в село. В первую очередь их интересовали люди, которые знакомы с ружьем, бывших солдат Красной Армии, затем медики. Выводил через лазы, проделанные в колючей проволоке. Однажды у меня вышла промашка. Сказали вывести доктора-хирурга Лифшица. Я нашел гинеколога Лифшиц и вывел ее с двумя детьми. Досталось мне тогда. Перед этим обещали, что разрешат забрать из гетто моих родных. После конфуза, обругав меня, ответили, что своих выведу потом. Но этого «потом» не наступило. Кто-то узнал о моих связях и выдал. Фашисты сразу схватили всю родню. Узнал я об этом заранее, а то бы тоже присоединился к ним. Всех, восемь человек, повесили в Юбилейном сквере. Пришел на место казни, видел виселицу, но посмотреть на их лица не смог.

Многие люди пытались выбраться самостоятельно, таких было порядка двух-трех тысяч, но многие из них не смогли найти убежище, не все партизанские отряды принимали евреев, и они погибали.

Леонид Окунь стал партизаном, ходил на боевые задания, но в основном находился в охране или в оцеплении места проведения операции. Ребята берегли парня. В июле 1942 года отряд Зорина не смогли предупредить о готовящейся карательной операции. Их бы захватили врасплох, если бы не охрана. Целый месяц метались в кольце блокады, бросив коней, коров, большую часть продуктов питания. Прятались среди болот, детей несли на руках через трясины, шли по грудь в болотной жиже, сооружали гати к сухим островкам. Леониду стали давать серьезные поручения, он стал партизанским разведчиком.

Шел февраль 1943 года. На стоянку отряда Зорина пришли трое парашютистов с Большой Земли. Им необходимо было встретиться с командованием другой партизанской бригады. Провести их к нужному месту вызвался Леонид. Встретил в том отряде сверстников, они стали обзывать его «Жид!» Когда мужчины, которых он привел, уходили, парень стал умолять взять его с собою, он не мог здесь оставаться.

- Я умею хорошо стрелять, я – разведчик, у меня никого из родни не осталось.

Вместе с красноармейцами перешел линию фронта. С ним долго беседовали, расспрашивали. Еле уговорил, чтобы зачислили в боевую часть. Сначала Леонид Окунь был в роте автоматчиков 563 стрелкового полка 153 стрелковой дивизии, потом перешел в разведвзвод полка. Выдали ему форму, сапоги, правда немного великоватые, спадали, когда он полз, поэтому, идя в разведку, одевал ботинки.

- Не знаю сколько немцев уничтожил, но, убивая их, говорил: «Это за маму!», «Это за сестру!», «Это за брата!». Перечислил всех родственников, пошел по второму кругу. Даже когда война закончилась, у меня продолжала гореть жажда мести.

Пошли мы в разведку втроем. Двое ушли дальше, просили подождать их. Я осмотрелся, немного продвинулся вперед, прополз по траншее, вижу землянка, немцы там пируют. Думал бросить сначала гранату, а тут одному фрицу приспичило, захотел на свежий воздух. Напевает какую-то песенку. Подкрался к нему поближе, прикладом автомата по голове. Он и упал. Едва вытащил его из траншеи. Он тяжеленный. Мне, еще не совсем оправившемуся после партизанских харчей, волочить пришлось такого немца. Зацепил его ремнем, потащил. Дополз с ним до нейтралки, вскоре наши ребята подоспели, помогли. Оказался фашист офицером – нужный «язык». За это получил орден Славы III степени..

...Через несколько дней в поиск послали семерых разведчиков. На подходе к немецким окопам их вычислили и стали стрелять из автоматов, пулеметов. Одна из пуль попала Леониду в живот. Товарищи принесли его к своим, по пути еще одна пуля угодила в спину. В госпитале и вручили ему первый орден. Оклемался, попросился вновь на фронт.

Второго ордена Славы II степени был удостоен за бои в Польше. Это было в ноябре 1944 года. Гитлеровцы засели на одной высотке. Советским солдатам дали задание захватить ее. Крики в «В атаку! Вперед! Ура!» Огонь противника был сильным. Упал, подкошенный пулей, знаменосец.

- Ну я и схватил древко знамени и во весь рост вперед за другими. Потом мне рассказывали, что ребята кричали «Ложись!», но я ничего не слышал, ни свиста пуль, ни грохот артиллерии. Разрывная пуля попадает мне в бедро, я упал. Опять госпиталь в Августове, затем в Минске. Вышел я инвалидом, шесть ранений и две контузии. Начал ходить в школу, но все позабывал. Попросился в школу юнг в Лиепеае. После нее два с половиной года на тральщике ¹ 703 на Балтике. Открылись фронтовые раны, меня списали на берег.

Вначале работал электриком в Минске. Окончил Московский энергетический институт и более двадцати лет был главным

энергетиком крупного завода. Потом совершил резкий поворот: стал работать заведующим постановочной части в Минском театре Оперы и балета. В декабре 1990 года новые изменения в жизни – репатриировался в Израиль. ...Минское гетто охватывало большую территорию: площадь Юбилейную, улицы Островского, Опанского, Обувную, Сухую, Заславскую, Широкую и другие. Оно состояло из трех самостоятельных частей: первое, «большое» гетто, просуществовало с августа 1941 по 21-23 октября 1943 года, занимало 39 улиц и переулков в районе Юбилейной площади; второе, «малое», находилось в районе завода имени Молотова (сейчас Ленина), существовало с 1941 года до конца июня 1944 года; третье, «зондергетто», находилось на улицах Сухой и Обувной, где находились десятки тысяч евреев из семи стран Западной, Центральной и Восточной Европы. Окружал гетто высокий забор из колючей проволоки. Белорусов из этих районов выселили.

Эсфирь Каплан вспоминает

Июнь месяц, разгар лета. Закончены занятия в школах, студенты сдали последние экзамены. Многие ребята разъехались, кто к родственникам в поселки, деревни, поближе к природе, кто в пионерские лагеря. Дадим слово одной из отдохнувших:

- Я была в Ратомке, летнем лагере для детей. Был очень теплый солнечный день, и мы весело играли на поляне. Я помню, как вдруг воспитатели засуетились, стали быстро собирать детей, кто в чем был одет, и погружать нас в вагоны. Конечно, я деталей не помню, кроме того, что мне было смешно ехать в поезде без платица и босиком. Детей доставили на Минский вокзал, площадь которого была заполнена родителями, встречающими малышей. ...Я помню, что ко мне бросились другие мамы с плачем, спрашивали не видела ли я их детей. Оказывается, не всех детей довезли, не

всех собрали. То ли поезд бомбили и несколько вагонов с детьми пострадали, то ли не всех вывезли. Это и было главной причиной, почему мы не эвакуировались вовремя. ...Эсфирь вышла с мамой и братом Гришей на улицу. По ней шла нескончаемая колонна людей, сопровождаемая по сторонам вооруженными немцами. Мама была невменяемая, в шоке. Она видела знакомые лица в колонне. Гриша стал дергать ее за руку: «Мама, очнись. Надо уходить, а то нас тоже заберут в колонну». Первыми жертвами стали тетя Эсфири и Гриши – Аня Мурох и ее семилетний сын Миша. Их убили только за то, что возвращались на 15 минут позже комендантского часа.

Затем расстреляли дедушку и бабушку. Произошло это так. Убили кого-то из охранников. Полицаи приказали, чтобы один человек из каждой семьи вышел вперед. На этот приказ откликнулся дедушка, следом за ним добровольно пошла бабушка, не желая оставлять мужа одного. Они понимали, что их ждет.

Двенадцатилетний Гриша и младший мамин брат Айзик – 19-и лет – начали выполнять задания подпольной группы. Позже Айзик уйдет к партизанам. Во время выполнения одного из заданий он погибнет. Как пишет Эсфирь, Айзик Мурох уничтожил 5 вражеских составов с амуницией и оружием. Его имя числится в справочнике «Партизаны Минского подполья».

Гриша был курьером между подпольем и партизанами, выводил группы в лес. Подпольщица, потом партизанка Циля Ботвинник говорит: « Прошло много лет, но я и сейчас не могу не вспомнить 13-летнего Гришу Каплана по кличке «Сорванец». Он нам помогал добывать оружие. Этот мальчик был бесстрашный. Он уходил из гетто с колонной, которая работала на железной дороге, а там находились склады, то есть свалка, куда немцы сгружали разбитое оружие, прибывающее с фронта. Это место было огорожено только забором. Гриша пробирался туда незаметно, находил там

обрезы, собирал затворы с подающим механизмом и другие части оружия и передавал подпольщикам. Однажды, когда Гриша подлезал под проволоку, его схватили гестаповцы, но сколько не пытали, он никого не выдал».

Настоящим Гаврошем называли его старшие товарищи.

- Погибли в гетто все папины родные: старшие братья Давид и Рахмил Капланы с семьями, - продолжает повествование Эсфирь. – Сами едва убежали из расстрельной группы узников. Нас привезли на вокзал, мы тихонько вышли оттуда через кухню здания. Какой-то мужчина увидел, помог сорвать латы с одежды. Переночевали в стоге сена, пошли дальше. Дошли до леса. Нам повезло встретить партизан.

- Кто вы такие? – строго спросили они.

- Мы из гетто вырвались.

- Врешь! Из гетто никто не мог уйти живым. Ты шпионка, - шумел бородатый мужик, показывая пальцем на маму. – Шпионов убивают!

Спасли выбежавшие из-за холма женщины. Но в отряд нас эти парни не взяли.

Много дней Эсфирь Каплан с матерью искали тех, кто бы их приютил, кто бы накормил. Несколько раз оказывались в партизанской зоне, но им отказывали в приеме. Кому нужна была мать с маленькой девочкой. Иногда жители окраин деревень пускали на ночку, но гораздо чаще прогоняли. В центр поселков они боялись заходить, там шастали немцы и полицаи. Мама Эсфирь носила за плечами узелок, в котором лежал чугунок – дали добрые люди. В нем можно было хоть что-то сварить. Как-то сняла катомку, развязала, достала эту посуду, а чугунок пробит. За ними гнались, по ним стреляли, эта железка спасла матери жизнь.

Так они блуждали по лесу с октября 1943 по июль 1944 года. В одной из деревень им сообщили, что Красная Армия уже в Минске. Вышли они из леса в районе поселка Смиловичи.

В отряд Зорина

- Мне 9 лет. Я вместе с мамой, братом Володей – он 34 года рождения, и младшей сестренкой Раей – ей всего три года, едем к бабушке в гости, она живет за Минском. Отец наш в армии. У бабушки было очень хорошо, но недолго гостили мы, началась война, - говорит Макс Сонкин.

- О Минском гетто, об облавах вам уже, наверное, рассказали. Жили мы на Танковой улице, окруженные колючей проволокой, дрожали от страха. В ноябре нас нашел отец. Он дошел с частью до Березины и попал в плен. Его и товарища повел немецкий солдат на расстрел, заставил копать ямку.

- Быстрее копайте! Не оборачиваться! – покрикивал он.

Когда они закончили рыть могилу, повернули головы, немца не было, отпустил он их.

На чердаке дома отец забил одну сторону фанерой, в дни облав мы там прятались. Во время погрома в 1942 году гитлеровцы успели схватить бабушку и мою сестренку Раю, увели с собой. Мы в те минуты сидели на чердаке не шелохнувшись. С тех пор, когда родители шли на работу, отец брал с собой меня, мать - младшего брата. Папа стеклил окна в школе №.12, затем работал на кирпичном заводе.

Отец, как видно, был связан с подпольем. В начале 1943 года он вывел из гетто группу из 10 человек, в том числе и нас. Мать побоялась идти с нами, но он прислал проводника, тот вывел ее из-за колючей проволоки. По дороге все сорвали с себя ненавистные желтые латы, мы двинулись через немецкое кладбище в лес. Папа хорошо знал эти места. По дороге он оставил меня в одной деревне пасти скот, сам с остальными направился к партизанам.

- Собирайся в дорогу, - сказала как-то женщина, у которой я жил. - Должны придти немцы с полицаями. Будут каждый дом проверять.

Она дала ломоть хлеба, кусок сала, и я ушел из деревни. Шел лишь бы куда, ведь не знал, где искать моих родных.

Встретил двоих, ищут они партизан, у меня спросили, что я знаю о них. Пожал плечами. Решили зайти в хутор. Только приблизились, а оттуда повозки с полицаями. Мы от дороги отскочили, но недалеко. Смотрю – на одной из телег отец едет, спокойно говорит с мужчинами. Выскочил я из-за укрытия, крикнул: «Папа!». Мы тут же расстались, так как он ехал на задание. Показал нам как добраться к партизанам, как идти, в каком направлении.

В очередной раз отец пойдет на разведку, возьмет с собой брата, как видно для конспирации, заблудятся, напорятся они на полицейских и погибнут. Я находился в партизанском отряде Зорина. В мае 1943 года немцы окружили район нашей дислокации. Опытный проводник увел нас в Налибокскую пуцу, Винницкий район, попали в труднопроходимые болота. Мы порезали все ноги об острую осоку. Кушать нечего. Немцы сюда не полезли, хотя их самолеты пытались найти наше месторасположение. Простояли мы в болоте 10 дней. Когда нам сообщили, что блокада снята, начали обратный путь. Увидели подстрелянную лошадь, все набросились на нее, стали кромсать, потом варить из нее пищу.

Нас, детей, командование отрядом собрало в отдельный лагерь. Но нашелся предатель, сообщил фашистам. Мы знали, что Красная Армия уже недалеко, но они не смогли бы нам помочь. Партизаны заняли круговую оборону, был сильный бой, погибло шесть человек, и немцев полегло немало. Зорин тоже был ранен, ему ампутировали ногу. Все же мы спаслись.

Через несколько недель встретили передовые советские части. Минск освободили 3 июля, я же попал в город 12-го числа. В нашей квартире жили чужие люди, мы едва добились, чтобы их выселили. По материнской линии погибла почти вся ее родня. До отъезда в Израиль жил и работал в столице Белоруссии Минске.

Благодарность

- Где взяла ребенка? Он жид? – приставали к Фекле Пасмурцевой гитлеровские вояки, полицаи.

- Да вы что! Он сын моей племянницы, что замужем за армянином, потому и черноголовый. Не верите? Посмотрите! – с этими словами женщина сняла с мальчишки штаны. – Видите - не обрезан.

Феликс, так звали мальчика, родился в 1936 году в светской еврейской семье, потому и не провели обрезание плоти. Отца Арона Кауфмана отправили на учебу в авиационную академию в Москву, он погиб в сражениях под Сталинградом. Мама Фира работала народным судьей в Минске. Заниматься ребенком времени почти не было, поэтому она привезла из поселка Чашники Витебской области, где жили ее родители, няню Феклу Пасмурцеву.

Когда город бомбили, все прятались в подвале-бомбоубежище. Семья собиралась эвакуироваться. Фира выбежала на улицу, чтобы встретить машину, которую ей выделили, но в это время вблизи взорвалась бомба, разрушившая дом. Обломками здания ее контузило, она потеряла сознание. Подроспели спасатели-санитары, погрузили женщину на машину, затем в санитарный поезд-госпиталь. Очнулась она уже за Смоленском. О возвращении уже не могло быть и речи.

Фекла с пятилетним Феликсом пошли на ее поиски. В городе уже хозяйствовали немцы. Началась регистрация еврейского населения. «Отдай ты его, пусть идет за проволоку вместе со всеми евреями», - говорили ей соседи.

- Нет! Я отвечаю за ребенка, дай бог спасемся.

Няня уходит с пареньком в деревню Гили, где прошло ее детство. 300 километров прошагали пешком, по дороге приходилось заходить в деревушки, просить покормить или дать с собой еды. Питались ягодами, овощами с заброшенных огородов. Чуть живыми добрались до ее сестры. Здесь житья не давали немцы и полицаи, приставали к Фекле с допросами.

Она не выдала паренька, хотя местные жители догадывались, что мальчик из еврейской семьи, но тоже молчали.

Все же боязно было, а вдруг кто-то не сдержится, сболтнет. Пасмурцева с Феликсом уходили из деревни, бродили по дорогам и бездорожью, просили милостыню. Часто приходилось ночевать в поле, в лесу, нередко голодными. Вернулись обратно. До их прихода немцы сожгли Гили за связь с партизанами. Фекла выкопала на огороде землянку, закрывала ее изнутри крышкой из досок, а сверху земляным дерном. В ней они жили до лета 1944 года, до прихода Красной Армии.

После освобождения этих мест в Чашники наведальась тетя Феликса, сестра мамы Фиры. Ей и рассказали, что мальчик уцелел, жив. Она нашла его, забрала с собой, сообщила матери, которая вернулась в Минск. Фира была бесконечно благодарна Фекле Пасмурцевой, она переписала пенсию за отца Феликса на имя няни. А паренек во время каникул и, когда стал взрослым, во время отпуска любил бывать в деревне Гили, где его спасли, где жила няня Фекла. Пасмурцевой присвоено звание Праведницы народов мира. Феликс Кауфман живет сейчас в США.

Верно заметил советский поэт Николай Доризо:

Не в шумной беседе друзья познаются,
Друзья познаются в беде.
Когда горе застанет и слезы польются,
Тот друг, кто поможет тебе...

Сильнее смерти

«Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульете», - написал Уильям Шекспир. Увы, есть более печальные драмы, трагедии. Их столько, что представить трудно. Одна из них – история гибели 6 миллионов евреев, уничтоженных нацистами в годы Второй мировой войны, история миллионов детей, лишившихся родителей, история тех, кто сумел убежать от расправы, скитавшихся,

голодавших, мерзших, начавших свою трудовую деятельность в 13-15 лет. В фашистской неволе оказалась и семья Грейс. О своей судьбе рассказывает одна из них – Двора. Ей в начале войны было лишь двенадцать лет.

- Родилась я в городе Сморгонь Вильнюсского воеводства в Польше (ныне Гродненская область, Беларусь). Наша семья состояла из 7 человек: дедушка и бабушка, мать и отец, старший брат Меер-Лейб (1930 г.р.), младшая сестра Рейзл (1937 г.р.) и я (1929 г.р.). С 1 по 5 класс училась в еврейской школе, но, когда в наши края вошла Красная Армия, начала изучать русский язык. Я росла и воспитывалась в еврейских традициях.

Отец - Хаим, был бизнесменом, мать - Сарра, домохозяйка. У нас был большой дом с пристройкой, три коровы, лошадь, мелкая живность, 4 гектара пахотной земли. С началом войны, бомбежками Сморгони и ближайших городов, чему мы были очевидцами, стало понятно, что нужно уезжать. 24 июня погрузили на подводу то, что смогли, и поехали в сторону Полоцка. Дорогу, связывающую Вильно с Минском, постоянно бомбили. Мы с трудом добрались до станции Вилейка, но там отдали предпочтение эвакуации из тюрьмы осужденных женщин, а также танковым частям. Последний эшелон ушел. Офицер сказал нам, что бессмысленно дальше двигаться, за спиной немцы. Пришлось вернуться домой, но все, что мы оставили, уже успели разграбить.

В том же году в двух местах города было создано гетто: на улице Вилейской и возле синагоги. Город в основном был еврейским с большой синагогой. В первые дни немцы расстреляли 8 евреев. Жили мы в пригороде, в наш дом поселили семь семей. Мама, пока была возможность, снабжала других евреев молоком, разными продуктами. В один из вечеров пришли пьяные поляки, хотели убить отца. Но он вовремя успел спрятаться. Они появлялись, вроде бы искали оружие, на самом деле забирали все, что понравится, жаловаться было некому.

В 1942 году всех евреев согнали в одно гетто. Оно находилось в центре Сморгони в двухэтажном каменном здании. В проходную комнату поместили 12 человек: нашу семью и семью учителя математики. Спали поперек кроватей. Нас гоняли на строительство дороги. В середине года всю молодежь отправили на прокладку железной дороги в город Жежмарте (Литва). Затем стали хватать семейных мужчин и бездетных женщин.

Отец мой сказал, что пусть его расстреляют, но он не поедет работать в лагерь. Дело в том, что он был единственным кормильцем в доме, уходил порой на несколько дней, чтобы поменять вещи на продукты питания для всей нашей семьи.

- Папа, я вместо тебя поеду. – Все опешили, мне было то всего 13 лет. Начали собирать меня в дорогу, но оказалось, что я со всего выросла, пальто гораздо выше колен. Мама сказала: «Двейрке, возьми папино пальто». Оно было теплое и длинное. Рукава пришлось закасать. Оно меня спасало два года от холодов, ночью, когда пришлось спать на жестком полу, служило одновременно подстилкой и одеялом.

В Жежмарте женщин разместили в синагоге, мне достался третий ярус нар. А всего в здании было 360 человек, проход узкий, воздух спертый. Мы таскали тяжелые камни, передавая их друг другу, рукавицы порвались, руки были поранены. Выходили на работу в любую погоду: в слякоть, дождь, снег, мороз. Сушить вещи, валенки было негде, приходилось потом одевать на себя мокрое, тяжелое. Что такое мытье, мы позабыли, все овшивели. Началась эпидемия сыпного тифа. Умерло очень много, в том числе и молодежь, красивые здоровые парни сгорали от высокой температуры, лечения фактически не было.

То ли в феврале, то ли в марте 1943-го нам сообщили ужасную вещь: всех евреев Сморгони и близлежащих поселков, около 10 тысяч человек, вывезли в Вильно и расстреляли в Понарах. Так я осталась из всей семьи, из 7 человек одна-одиношенька. Там в гетто погибли и многие

близкие родственники.

- Сколько в Сморгони перед войной жило евреев?
- Город был еврейским, мы составляли большинство. Думаю где-то тысяч пять. (По переписи 1897 года в Сморгони проживало 6743 еврея -75,5% , в книге «Холокост на территории СССР» написано, что в городе проживало на момент войны 2017 евреев (32,2%). То, что уменьшилось соотношение евреев, закономерно, но общее количество населения обычно росло. На начало декабря 1941 года в гетто находилось, по данным властей 1680 евреев, из них 619 детей, по данным ЧГК с теми, кого переселили с окружающих сел, – 3280 человек. Спаслись единицы. - Д.Ф.)

Летом набирали в неизвестно какое направление 300 человек. Вместе со мной в лагере находился Давид – брат моей бабушки. Он предложил поехать с его семьей в данной группе, может быть вместе будет легче. Я согласилась. Завезли нас в Псковскую область, деревню Сугуево, где были приготовлены бараки. Мы строили железную дорогу. В придачу ко всем напастям нас съедали комары.

Через пять-шесть месяцев узников перебросили работать на железную дорогу где-то у границы Латвии и Эстонии, а весной 1944 года вывезли в концлагерь Кайзервальд (Саласпилс). С узников сняли всю одежду, пропустили через санобработку, выдали полосатую робу, причем бросали, что попало под руки. Мы уже между собой обменивали ее. Здесь погиб дядя Давид, так я его называла, с шестилетним внуком. Меня и его старшую дочь Басю отправили на кабельный завод за 27 километров от Риги.

Летом началось наступление Красной Армии, стали бомбить эти места. Мы очень радовались. Жили надеждой, что вот-вот закончится страшная война, что нас спасут. Эсесовцы решили избавиться от узников. В душегубку были отправлены женщины, пригнанные из Германии, они ремонтировали солдатскую одежду. Из 5000 в лагере осталось 450-500 человек. Меня в списке подлежащих расстрелу не было, как

видно Бася приписала мне возраст. Я вовсе не выглядела на свои 15 лет – была худая, неоформленная, подстриженная под машинку, доска доской. Во время обеда, когда я стояла за баландой, проходил гестаповец, выискивал, кого бы это еще отправить к смертникам. Заметил меня и еще мальчика из города Либавы, он тоже остался один. Немец отвел нас в сторону, но не завел в помещение, где находились люди, которых должны были отправить на тот свет.

Нас спас начальник лагеря, которому мы наврали, что уже взрослые, можем выполнять любые работы. (В действительности же: камни таскать, шпалы ворочать, расчищать сугробы снега. –Д.Ф.) Вместе с остальными нас погрузили на баржу и повезли рекой до Гданьска, затем в вагонах дальше, куда мы не знали. Привезли в красивый сосновый лес, желтый песок – райский уголок. Но это вовсе не был рай, это был концлагерь Штуттгоф, где днем и ночью дымилась труба крематория. Гнали как животных. Одна девушка попыталась выскочить в окно, ее так избili нагайками, что она встать не смогла.

В один из дней нас раздели. Перед нами сидели гестаповцы и смотрели, кто годен для работы, а кого в расход. Меня отправили налево, то-есть в крематорий. Набралось 25 человек, ждали еще пополнение. Нас охраняла эсесовка. Убежать возможности не было – ведь лагерь был опутан колючей проволокой, по ней был пропущен ток. Охранница ушла, оставив за себя женщину, которая раздавала пищу в лагере. Я начала проситься, чтобы та меня отпустила в другую группу. Она ничего не ответила, но отвернулась. Я воспользовалась этим моментом и убежала сначала к баракам, потом к тем, кого должны были отправить на работы.

Шел конец 1944 года. Нас вновь подняли и привезли в небольшой город, в котором не было жильцов, все окна были забиты досками. По улицам маршировали только молодые латышские гитлерюгенд. Жили в бараках без нар, на полу немного соломы, и та труха, так и спали, не снимая с себя

одежды, к стенке примерзали. Зима. Ветер открывал легкие фанерные двери, загоняя в барак снег, стужу. Многие, в том числе и я, переболели сыпным тифом. Горела как огнем, была в бреду, никого не узнавала. Не удивительно, ведь набирали воду из луж ржавыми консервными банками. Одна медсестра на всех, одно лекарство – пеницилин. Все было на самовыживание.

Начальнику лагеря, как видно, самому не очень нравилась его работа. Когда стало понятно, что немецкая армия терпит поражение, гитлеровской машине приходит конец, он увел узников в место, где раньше располагалась воинская часть, подальше от линии фронта. Был только лес, большое озеро, да небо над нами. Мы не работали, но и есть было нечего. Раз в два-три дня получали порцию хлеба. Не успевали на него смотреть, как он исчезал во рту. За очистки от картошки шла битва – саму картошку ела охрана. Днем получали немного баланды. От голода каждый день умирало 30-40 человек, остальные не были похожи на людей – одни скелеты.

Штурмбанфюрер мог отдать приказ уничтожить нас. Но он не сделал этого. Нас снова повели куда-то. Привели к большому сараю, где держали корма для скота, набили как селетки в бочку. 10 марта сорок пятого в полдень мы слышали грохот машин. Это были наши освободители - советские танкисты. Из танков нам бросали булки хлеба. Но сколько людей умерло от истощения, холода. Мне и сегодня не верить, как человек мог такое выдержать, как мог столько пережить. Рядом со мной шла женщина, у которой фашисты силой отобрали детей. Она сопротивлялась и ей выбили все зубы.

На оккупированной территории

Тамбовская область. город Мичуринск. В детском доме, в котором находился Гриша Гурвич, жизнь была, как говорят, не сахар. И голод, и воровство, и драки. Шел сентябрь 1943 года. Советские войска отогнали немцев подальше от

Нечерноземных областей России, освободили часть Белоруссии. Гриша был на занятиях в классе, когда его вызвала директор школы.

- Вроде вчера не набедокурил, - думал по пути он. Осторожно вслед за директором вошел в учительскую и ощутил на своих плечах теплые нежные женские руки. Это были руки его мамы. Слезы радости текли по ее щекам, но Григорий не мог себе подобного позволить – он мужчина. – Успокойся, мама. Все в порядке.

Война застала паренька в детском оздоровительном лагере в 25 километрах западнее Минска. Город был в огне пожаров, родители многих детей растерялись, редко кто из них забрал своих ребят из детского лагеря.

- Нас осталось 36 малышей. Приехало три грузовика марки ЗИС-5, посадили нас, пионервожатых и другой обслуживающий персонал и повезли через горящий город на восток. В пригороде Минска нас остановили «милиционеры» в советской форме. Это были немецкие десантники. Но откуда мы могли знать, кто они такие, - рассказывает Григорий Гурвич. – Две автомашины сумели прорваться, а нашу «милиционеры» повернули в другом направлении, думаю, что по неопытности нашего водителя.

Дети оказались в пригороде Белостока. Я и другие ребята работали на одной ферме. Убирали навоз, урожай с полей, другие обычные работы в селе. Меньше месяца пробыл там, совершил побег с целью добраться обратно в Минск, в надежде найти своих родных и близких. Дорога к родному дому напоминала преодоление препятствий. Остерегался всего: немцев, полицаев, обычных людей, ведь неизвестно как они поступят со мной. Но хочешь, не хочешь, а заходить в дома заставлял голод. Прошел через города Волковыск, Слоним, Барановичи, Узда, более трех месяцев в пути. Вот наконец и столица Белоруссии, пришел и попал... в Минское гетто.

Родителей и родственников я не нашел. Вместе со взрослыми узниками трудился на расчистке города от завалов, от развалин

разрушенных строений, на мощении дорог. По распоряжению коменданта гетто Готтенбаха нас перевели работать на радиозавод. Я был разнорабочим. Утром нас увозили из гетто, вечером в сумерках привозили обратно. Дважды меня и других молодых ребят возили в больницу для проведения медицинских экспериментов.

... Гурвич пробыл в гетто с октября 1941 по сентябрь 1942 года. В августе сорок второго начался большой погром. Гриша сначала спрятался, затем, воспользовавшись шумихой, неразберихой, бежал, опыт у него уже был. В лесу встретил солдат, которые удрали из плена, они взяли паренька с собою. Глухими местами, ночуя в лесах, поодаль от дорог, по которым шныряли взад, вперед немцы, они шли на гул артиллерийской канонады. В районе городского поселка Сухиничи Смоленской области перешли линию фронта. Григория Гурвича направили в детский дом, где и нашла его мать.

Не забывайте!

- В наш дом ворвались трое полицейских и два немца в черной форме.

- Выходите на улицу, - выкрикнул один, не дав им одеться.

- Вывели во двор, в чем стояли, в том и забрали, даже крошки хлеба не захватили, - продолжает нашу беседу Валентина Демаш. – Зима, холодина. Нас посадили на сани и повезли в гетто, оно находилось на месте бывшей воинской части, и просуществовало всего неделю.

...Четырехлетняя Валентина Демаш многое забыла, только проблески событий возникают в ее воспоминаниях. Как отмечает историк Альтман, в городе Быхов Могилевской области фашистские палачи начали расправу с еврейским населением 11 сентября 1941 года. Людей заставили раздеться догола, особенно жестоко обошлись с детьми. Ребят до 10-12 лет изверги не расстреливали, а переламывали им позвонки и еще живых бросали в противотанковый ров.

У Валентины Демаш (Серафимовой) был русский отец, призванный в начале войны в армию. Поэтому их: бабушку

Фаю, маму Розу, семилетнего братишку Володю и ее, как видно, забрали позже, после уничтожения основного контингента евреев. Но и над ними нависла угроза быть убитыми, умереть от голода. Иногда жители поселка бросали им печеные картошки. В эти трудные дни не расстерялась мама Роза. Рядом с гетто был овраг, засыпанный снегом. Женщина положила детей возле ограды и покатались они под ограду вниз. Сама тоже следом. Никто бегущих не заметил. В гетто осталась только бабушка.

На их счастье с ведрами шла женщина по воду. (А еще говорят, что встретишь с пустыми ведрами, то будет неудача. Не всегда! Главное - бороться!) Заметила группу полураздетых людей, сняла с себя платок, накинула на Валю, варежки отдала Володе, привела к себе. Но долго у себя держать боялась. Пошла семья Серафимовых в поселок Чаусы, где жила родная сестра отца Татьяна.

- Она нас просто выставила со двора, сказала, чтобы больше у нее не появлялись, - говорит Валентина. – Мы не знали, что делать. Невдалеке нас увидела одна из местных жителей, оглянулась и забрала к себе. Я не помню ее имени, фамилия ее – Гуринова. Она жертвовала жизнью сына, которого позже забрали в Германию, но нас не выдала, не оставила без внимания, делилась той едой, что у нее была, дала одежду.

Затем мы договорились с тетей Марусей – женой дяди, которая приютила нас. Мама ушла в партизанский отряд. У тети Маруси было своих трое маленьких детей, поэтому нас отдали в детский дом, там и дождались прихода Красной Армии. Моя мама всю жизнь нам твердила: «Пока живы будете, не забывайте Гуринову. Вы ей обязаны жизнью». В 1945 году она нашла нас и забрала из детдома. Мы переехали в Киев.

...С 1995 года Валентина Демаш живет в Израиле. Когда была в музее «Яд ва-Шеме», сообщила о подвиге простой белорусской женщины Гуриновой.

- Мы перед нею в неоплатном долгу, - считает Демаш.

Желтая звезда

1 июля 1941 года жительница деревни Городок Глусского района Белоруссии Мария Кацнельсон со своими родными оказалась в гетто. Их заставили нашить желтые звезды, погнали на работу. Они грузили песок, камни, валили лес. Никто не спросил, сколько ей лет, она тоже вынуждена была бросать песок на носилки или в машину.

Прошло три месяца и нацисты вместе с местными пособниками начали расправу с евреями. В ней погибли три сестры Марии: Лея -17 лет, Лиза -7 лет, Ривеле – 3,5 года. В этот день она вместе с отцом, матерью и братом Ароном находились у дяди. Прослышав про казнь, решили бежать. Долгие дни и ночи они коротали в местах, где не было фашистов, стараясь не попадаться на глаза людям, разные ведь есть. Лесами добрались они до Октябрьского района, в начальном периоде войны там еще не появились ни немцы, ни партизаны. Жили в землянках, изредка удавалось переночевать в какой-нибудь деревне.

Но вот появились «лесные солдаты», и этот край стал называться партизанским. Гитлеровцы боялись сунуться в эти места. Арон, брат Марии, начнет воевать в одном отряде, отец мстить убийцам в другом. Мать работала на кухне, готовила пищу партизанам, Маша смотрела за ранеными, стирала одежду. Ей в сорок втором шел всего тринадцатый год.

- Пережить мне, девчонке, пришлось много. Я своими глазами видела, как шестилетнюю малышку фашисты закололи штыками, - рассказывает М. Кацнельсон. – Да и гибель моих сестер легло тяжелым грузом на все годы моей последующей жизни. Летом 1942 года немцы собрав силы решили покончить с партизанами, начали массивное наступление в местах, где базировались наш и другие отряды. Они зверствовали, сожгли 12 деревень, стали окружать лес, в котором находились мы. В отряде было немало пожилых людей, детей. Командир отряда Адам Попруга, входивший

в партизанское соединение под командованием Героя Советского Союза Ф.Павловского, отобрал 40 боеспособных ребят, остальным сказал: «Расходитесь куда хотите». Хорошо, что нашелся человек, который пообещал вывести нас через болото. Так мы большой группой сумели выкарабкаться из этой переделки, переждать блокаду, дожждаться наших советских воинов.

.....

Город Ивенец Минской области был захвачен войсками Вермахта в первые дни войны. На следующее утро построили все население, вывели 6 человек, и тут же расстреляли. Вскоре отобрали 89 евреев, отвели в сторону, заставили выкопать яму и всех там убили. Пожилых и детей меньше 14 лет поначалу не трогали.

- Мою маму Шейну забрали и отвезли в концлагерь города Новогрудок, где она в 1942-1943 году, точно не знаю, погибла, - сообщает Михаил Шварц. - В гетто Ивенца остались отец Симон, братья Абрам – 1926 года рождения, шестилетний Шлейме, сестричка Сонечка – ей исполнилось одиннадцать лет, и я, тринадцатилетний. Ходили с желтыми латками на груди и спине. Белорусов, которые пытались передать какие-нибудь продукты узникам, немцы и полицаи избивали. Фашисты расстреляли около 1500 евреев. Всех маленьких детей закопали живьем, в этой могиле оказалась и Сонечка, самая младшая из моих родных.

Более взрослых погнали на работы. По дороге избивали, слабых расстреливали, трудились от темна до темна, таскали землю, песок, ремонтировали дороги, среди них был и я. Особенно тяжело было, когда наши войска начали освобождать Белоруссию, фашисты окончательно озверели, а мы боялись погибнуть, ведь свобода была так близка.

...Во время работ по рытью противотанковых рвов отец с сыновьями Михаилом и Абрамом удрали в лес. Их отец до войны работал в лесничестве, хорошо знал места, где можно спрятаться.

- Почти год бродили. Заходили осторожно в деревни, порой знакомые подкармливали. Вышли на партизан, вместе с ними перешли линию фронта. Нас всех троих отправили на отдых в Башкирию, в город Стерлитамак. У меня не хватало семь килограммов веса. Отца забрали в армию, брат пошел учиться в профтехучилище. Злоключения наши не кончились. Сразу после войны отца арестовали, посадили, отправили в Казахстан – враг народа. И от нас требовали, чтобы подтвердили их домыслы. Мы на это не согласились. Нас оставили в покое. После XX съезда партии папу отпустили. Я долгие годы работал директором училища. С 1998 года в Израиле.

Испытание

Минуло около 70 лет, но боль утрат, горечь тяжелейших переживаний не утихает. Борис Глускин рассказывает историю его семьи в годы войны с фашистами. Мы обычно заняты своими делами и зачастую не знаем многого о рядом живущих соседях, товарищах по работе. С Борисом Глускиным я трудился на одном предприятии около 30 лет. Хороший специалист, всегда готов придти на помощь ребятам. Но не принято было лезть в жизнь другого, рассказывать свое личное, тем более евреи не желали, чтобы знали об их нахождении в оккупации.

Не так давно у меня вышла книга «Если бы земля могла говорить...» о Холокосте на Гомельщине. Среди многочисленных эпизодов есть рассказ об эвакуации двух семей, которые так и не смогли убежать от немецких оккупантов. Фамилия одной из них Бейль. Эту книгу подарил Борису, который живет в Беэр-Шеве. Через некоторое время он звонит:

- Ты помнишь эпизод в твоей книге о семье Бейль? Ведь я тоже был среди них. Мой отец Меер Глускин и Ципа Бейль – брат и сестра. Наши семьи вместе уезжали из горевшего от немецких бомбежек Гомеля. Приеду, расскажу тебе

историю нашей семьи в годы войны с фашистами. В один из осенних дней Борис приехал в Хайфу в гости. Мы продолжили беседу.

- Дедушка Айзик с семьей жили в деревне Ивановка Светиловичского района. Еще до революции он построил в Гомеле два дома, один для старшего брата Израиля, второй был разделен на три части: в одной из них жили его дочери, в другой – Бейли, в третьей – наша семья. Вначале уезжать не собирались, но в один из последних вражеских налетов, когда город был покрыт дымом пожарищ, опомнились. Сумели втиснуться в один из поездов, шедших на юго-восток. Это было в начале августа 1941 года, а город немцы захватили 22 августа.

Добрались мы до станции Конотоп Сумской области. Здесь наш поезд подвергся сильному авианалету. Все повывскакивали из вагонов, было много убитых, раненых, правда наши семьи не пострадали. Что делать дальше? Родители ходили по инстанциям с просьбой предоставить хоть какой-нибудь транспорт. Через несколько дней нас посадили в эшелон. Приехали на станцию Морозовскую Ростовской области. Поезд остановили. Военные бегают, кричат, чтобы выходили из вагонов, так как состав нужен для воинских формирований. «Добирайтесь дальше на восток сами», - заявили они.

...Направили беженцев в глубинку за 80 километров от магистральных дорог в казаческий колхоз «Заветы Ильича». Взрослые трудились на полях. Отцы двух семейств – Меер и Лева - были хорошими портными, вот к ним местное население, когда узнали про их профессии, приходило, чтобы заказать сшить казакины, другую одежду. Их услугами пользовались даже крестьяне соседних станиц. Расплачивались продуктами. Семьи были не маленькие. У Глускиных и Бейлиных было восьмеро детей, по четверо в каждой семье, всех нужно было кормить.

- Тринадцатилетняя Фира, моя сестра, была самой старшей из нас. Мне и Любе Бейль исполнилось 10 лет, сестре Белле

и Иде Бейль – шесть, младшим Изе и Сарре (Соня Бейль) было по четыре года, и Лена Бейль – совсем ребенок. Мы тоже приносили пользу. Кузнец выковал для нас маленькие косы, мы уходили в степь, срезали бурьян-чернобыль для топки печи. У коричневатого цвета чернобыля маслянистая основа, полыхает как порох, поэтому нужно было запастись его как можно больше, выгорал моментом. Зимой возили это топливо на санях, летом собирали в вязанки, и на плечи. Лесов там не было. Поначалу отношение к беженцам было обычное. У меня в кармане пиджака случайно сохранилась механическая игрушка – катер. Часто с местными ребятами играли, они подобной игрушки никогда в глаза не видали. К нам подошел парень постарше:

- Что вы с этим жидом играете? – явно была работа людей постарше.

...Когда фашисты стали приближаться, был захвачен Ростов, евреи попытались уехать. Из колхоза стали угонять скот. Приехали к переправе через реку Калач, но их опередили немецкие танки. «Цурюк!». Обратно в деревню. В мае 1942 года через деревню проехала большая группа немецких мотоциклистов, но не задержалась, укатила дальше. Установлением власти, «порядка» на местах занимались оккупационные власти, состоявшие в основном из местного казачества.

- Когда евреев забирали в концентрационный лагерь, дети как раз были в степи, собирали чернобыль. Казаки избивали мою мать плетями, они считали, что у евреев должно быть много золота. Проходил мимо старый казак, остановил побоище: «С ними и немцы разберутся». Вернулись мы с вязками, а никого из наших нет. Мой однолетка Коля предложил: «Оставайся у нас, мы заховаем», но дед Никифор, у которого были на постое, сказал другое: «Тебе нельзя оставаться. Догоняй своих. Что будет с твоими, то и с тобой».

...И пошли они по шляху, по солнцу. Через полдня догнали – там, в колонне, было не мало стариков, брели медленно.

Прибыли в деревню Лукичи Милютинского района, поместили их в коровник, в двух километрах от сельских изб. Туда же привезли около 500 военнопленных. Вскоре немцы создали концлагерь в местной школе, куда перевели евреев из коровников. Здесь было не на много лучше. Вот как описывают их положение Сарра Бейль и Белла Глускина: «Условия жизни были невыносимые. В каждом классе было до семидесяти заключенных. На день давали половник проса без соли. Часто в нем мы находили лягушек, так как воду брали из неочищенных источников. Голод – наш постоянный спутник. Дети плакали, просили кушать. Через несколько месяцев всех мужчин увели и расстреляли. Там были наши отцы».

Чувствовалось приближение Красной Армии. Оккупанты стали суесться, с обитателями концлагеря в школе и военнопленными в коровнике стали обращаться по варварски. В документах Чрезвычайной государственной комиссии есть акт №. 475 по Милютинскому району Ростовской области, где говорится, что их «кормили плохо, давали по два раза в день по столовой ложке проса, били пленных чем попало, избивали до полусмерти. В ноябре 1942 года загнали всех военнопленных в баз и вечером зажгли, а двери заперли». Солдатам удалось выбить несколько досок и устроить побег, но далеко не смогли уйти. Фашисты расстреливали их из пулеметов, раненых добивали штыками. Из пятисот человек удрать смогли порядка двадцати.

- Хорошо помню день освобождения от гитлеровцев. Это случилось 5 января 1943 года, - продолжает повествование Борис Глускин. - Перед этим немцы пытались перевести обитателей школы в концлагерь Буг, это была бы верная смерть для всех нас. Мы хорошо слышали звуки канонады. Решетки окон дрожали – стекло давно не было. Артиллерийские снаряды рвались совсем недалеко. А за окном хлопьями валил снег. Узники прильнули к проемам. Вскоре увидели людей в маскхалатах. Мы не были уверены,

что это наши, вдруг немцы. Оказалось, что охрана сбежала, мы обрели свободу. Но в живых осталось лишь четыре семьи. Судьба все же была милостива к нам.

...Свобода! Казалось все трудности позади. Но жизнь эти семьи не баловала. По дороге в Чкалов, куда эвакуировались оставшиеся в живых, опоздали на поезд мать и сестра Бориса. Он остался один. Паренек устраивается на обозную фабрику, и в училище, работавшее при станкозаводе No. 170, базой которого стал эвакуированный из Витебска завод Коминтерн. Боре Глускину было всего 12 лет. Учеба сочеталась с работой. Он, другие ребята точили головки снарядов, вес деталей - пять килограммов. Под ноги подставка, и 12 часов работа у станка.

- Спали по тридцать человек в комнате. На кровать ложились вдвоем, укрываясь двумя одеялами и матрасом, такая была холодрыга. Выдавали на день ведро угля и палку для растопки. Родители семей уехали в Гомель, а мне пришлось отрабатывать два года после окончания училища. Администрация завода не отпускала.

...Но вот он дома, в Гомеле. Его то не было – дом, который построил дед, где они жили до войны, разобрал полицай Воронков. Пришлось идти на квартиру. Борис устроился токарем на завод «Двигатель революции». Хорошие специалисты были нужны. Заодно занимается в аэроклубе, где до войны училась прославленная летчица Герой Советского Союза Полина Гельман. Борис совершил более ста прыжков с парашютом. Стал инструктором парашютной подготовки. Затем армия, после службы работа на Гомельском станкозаводе имени С.М. Кирова. Рабочий стаж Бориса Глускина – более 55 лет.

В 1996 году семья приехала в Израиль. Борис включился в общественную работу. Его избрали заместителем председателя Белорусского землячества по Беэр-Шеве. Ему часто звонят репатрианты из бывшего Советского Союза. Он очень внимателен к их нуждам, старается помочь. По разным

вопросам, волнующих репатриантов, обращается к председателю Белорусского землячества Михаилу Альшанскому, послу, консулам Беларуси в Израиле. Беэршевец организуют выезды на Мертвое море, на экскурсии, отмечают вместе праздники, в том числе день освобождения Белоруссии.

« Я хочу жить... »

Несколько лет назад вышел в прокат документальный фильм «Список Киселева», который демонстрировался как по российскому телевидению, так и по 9-му каналу в Израиле - продюсер Яков Каллер, режиссер Юрий Малюгин, в нем правдивый рассказ о выводе из захваченных немцами территорий через линию фронта большой группы евреев. Протяженность похода составляла 1200-1500 километров. Ветеран войны Борис Каган и я связались с создателями фильма, с героями этого похода, живущими в Израиле.

В конце июня 1941 года немцы оккупировали село Долгиново Минской области, где жило около пяти тысяч евреев. Их заставили построить ограду, за которую потом и загнали. 1 апреля 1942 года отряд СД из Вилейки ночью окружил гетто, убивая во время облавы бегущих людей. Оставили в живых только специалистов, остальных загнали в хлев и расстреляли. Трупы сожгли. Следующие акции долго ждать не пришлось, фашисты провели их 29 и 30 апреля.

- Нет слов, чтобы передать ужас тех дней. Девушек обливали керосином и поджигали, детей убивали на глазах у родителей, - рассказывает Леон Рубин, очевидец тех событий. - В живых осталось 300 человек.

...Евреи старались уйти от расправы. Прятались в бункерах, иногда сооружали там нары в три этажа. Немцы, обнаружив убежища, забрасывали их гранатами. После войны унтер-офицер зондеркоманды Франц Гесс на судебном процессе дал показания об уничтожении 2200 евреев сел Долгиново, Илье, Княженцы и др. Но это был только один эпизод из

нескольких.

- В гетто нашего поселка прошло три акции, - продолжает разговор Леон Рубин. - Все же часть приговоренных сумела уйти в леса, примкнув к партизанским отрядам, кое-кто прятался в деревнях. После последнего погрома в самом Долгиново в живых остались я и Хаимка Гросбейн, мне 6 лет, он на год моложе. Нашу «малину» не смогли обнаружить ни полицаи, ни немцы.

- Где же были ваши родители?

- Они скрывались в другой деревне с моим братом, а старший брат и сестра нашли пристанище отдельно. Если бы прятались вместе, скорее бы нас обнаружили. Встретились мы уже в лесу.

...Их собралось довольно много, более 300 человек с близлежащих мест. Но они стали обузой для лесных солдат, лишив их маневрирования, нанесения ударов по врагу. Проблема была и с добычей продовольствия. Руководители партизанского движения решили вывести людей на Большую Землю, согласовали с Москвой. На помощь прислали семерых парашютистов. Отряд с узниками и сопровождающими партизанами назвали «Победа», возглавил его Николай Киселев. Колонна была не маленькой – 270 человек, идти предстояло далеко. Шли лесами, обходили, петляли, избегая встреч с немцами. Начали свой поход в августе месяце, закончили в октябре.

Рассказывает Леон Рубин: - Среди нас было 35 детей. Представляете, что значит пройти за ночь более 30-40 километров? Так каждый день. В одном месте нас все же окружили гитлеровцы, стали стрелять с двух сторон. Мы разбежались. Когда успокоилось, все вернулись на заранее обусловленное место, но около пятидесяти человек не досчитались, немцы убили их.

Дополнения вносит Мирьям Дойч-Гольц, одна из 218 выживших в той переделке. Ей было менее семи лет. - События тех лет я видела глазами ребенка, в то же время

мы, дети, повзрослели в один миг. Но только позже, когда сама стала матерью, поняла, как мои родители, бабушка переживали за нас малышей. (С Мирьям был еще братик Хацкель, ему было в тот год 3,5 года. Сейчас живет в Реховоте. – Д.Ф.) Я в те дни вовсе не думала о смерти, хотя страх одолевал. Когда немцы пришли, мы укрылись в пуне (сеновал-Д.Ф.).

Нас собрали и повели на восток. Как только наступали сумерки, колонна начинала двигаться. Сорок километров за ночь! Потом падали на землю изнеможенные. В первый же день партизаны, которые сопровождали нас, поймали подозрительного местного парня. Чем он провинился, я не знаю. Ему тряпкой завязали глаза, связали руки. Он шел некоторое время с нами. Но парень исчез. Расположились мы на поляне в березовой роще. Вдруг началась пальба. Как видно тот беглец и сообщил фашистам о месте нашего привала. Мы же, евреи, жалостливые, нужно было убить изменника. ...Я упала, люди прыгали через меня. Лежу, вижу немцев, почему-то спина мокрая. Дотронулась – кровь, хотя боли не чувствовала, вроде камешком кто-то запустил в спину. Гитлеровцы отступили, испугавшись засады.

Я вскочила, догнала бабушку и говорю ей на идиш: «Бабуля, я убитая!» Бабушка растерялась, бежать в сторону немцев. «Ты куда?» - всполошилась я. Мы повернули в другую сторону. У меня на спине было пять ранок от осколков минного снаряда. Сама уже идти не могла, меня по очереди несли дедушка и бабушка, отец какое-то время отсутствовал. Иногда взрослые доставали лошадь с телегой, тогда всех детей сажали на нее. Вместе с нами шла тетя Злата Гитлин, старше 20 лет, она была тяжело ранена, осталась лежать на том же месте. Раны кровоточили. Только на третий день на нее наткнулись крестьяне и на носилках отнесли к леснику, оттуда в партизанский отряд. Она не могла ходить. Врач кинжалом вскрыл рану, вытащил пулю.

В нашей группе была маленькая двухлетняя девочка Берта

Кремер. Она часто плакала. Взрослые боялись, что этим она выдаст их врагам. Родители никак не могли с ней справиться. Им сказали: «Или уходите куда-нибудь с этой девочкой, или избавьтесь от нее». Отец с матерью надумали ее утопить. Девочка чувствовала, что с ней хотят сделать что-то плохое. «Их вил лебн», - сказала Берта, вытирая слезы. Подошел наш спаситель, Николай Киселев, узнал в чем дело, забрал малышку к себе на руки, успокоил и долгое время нес ее на плечах. Сейчас Берта живет в США, у нее двое детей, пять внуков. Ее слова «Я хочу жить» мог бы сказать каждый из нас.

- Скажите Мирьям, как вы питались? Ведь путь был долгий, трудный.

- Молодые ребята из дерева сделали несколько гранат, покрасив их зеленой краской, под видом партизан, шли в деревню. Если крестьяне отказывались дать часть своих запасов, приходилось угрожать. Продукты делили на всех людей.

...Они преодолели все трудности, наиболее сложным были переходы через водные препятствия. На их пути были маленькие реки, Западная Двина, искать мост нельзя, там всегда дежурили немцы. Приходилось переправляться вплавь. А кто не мог, на лодках. В районе города Старый Торопец Калининской области вышли к своим. Но их мытарства на этом не закончились. Лил проливной дождь, а между советскими войсками и гитлеровцами шла артиллерийская дуэль. На близлежащей станции сесть не смогли, бомбили. Всей группе пришлось идти пешком. Сели в эшелон только в городе Бологое.

Мирьям Дойч-Гольц после войны уехала в Польшу, закончила там медицинскую Академию. В Израиль приехала в 1960 году, работает врачом.

Жестокие испытания выпали на долю участника этого похода Хаима Гросбейна. Я по телефону поинтересовался его судьбой. Дело в том, что он прошел только начальную часть

пути к свободе с этим отрядом. В дороге, после нападения немцев на их лагерь, он был ранен в ногу. Хаим, сегодняшний житель Петах Тиквы, рассказал:

- В сорок первом мне было четыре года. Хотя был маленьким, до последней минуты буду помнить события тех лет. Я не мог понять, что происходит, что творится. Вдруг стали убивать людей, а немцы спокойно ходят, гогочат, Это было так дико. Евреи стали копать ямы и прятаться в них. И наша семья соорудила погреб в доме. Прodelали дыры в фундаменте, чтобы можно было дышать. Потом мы попали в гетто. Многих погнали на работу к польским панам. По дороге убили моего отца.

Тетя Двоя приказала мне: «Услышишь выстрелы, прячься под русскую печь». Так я и делал. Меня выдал немцам печник. Пришли они и стали кричать: «Юде, аруйс!» Остался я в гетто с моей двоюродной сестрой, лет на пять старше меня. Она завязала платок на глаза, чтобы не видеть как стреляют. Вокруг гвалт, крик... Тате! Маме!... Мы в это время прятались с ней в соломе. Стало спокойнее, мы вышли. Мертвая тишина, как будто ни на этом свете. Увидели тетю, она нас подобрала. Потом опять убивали. На этот раз я оказался в укрытии вместе с двоюродным братом Леоном Рубиным. Просидели день, ночью отодвинули доски и пошли в лес.

Скитались пока не набрали на партизан. Там же находилась тетя Двоя. Нас собрали и повели лесами. Я шел, держась за руку тети. На одном из привалов на нас напали фашисты. Мы бежать. Но пуля попала мне в левую ногу. Двоя сняла платок, перевязала рану и тащила меня на себе. Поздним вечером все собрались. Я заснул у какого-то дерева. Просыпаюсь – никого. Заплакал. Оказывается, как узнал я после войны, люди сказали тете, что с такой ношей она далеко не уйдет, что я буду обузой для всех, нужно меня оставить.

Я побежал, надеясь найти остальных. Силы оставили меня, сел под деревом, умирал. Сколько в таком положении находился, не знаю. Впервые в жизни я оказался один. Стал

бродить. Ел все, что попадалось на пути: грибы, птичьи яйца, живую рыбу – брал ее за жабры и кусал, подбирал опавшие зернышки, заходил в деревни. Порой давали краюху хлеба, стакан молока, но бывало, что натравливали на меня собак. Залазил в сараи, ждал когда принесут свиньям «колотуху» - пошло, ведро с вареными очисками, отрубями. Я начинал ее так есть, что поросята удивленно смотрели. Меня иногда заставляли там хозяйки и, крестясь, причитали: «Свят, свят, свят, сгинь нечистая сила». Подкрадывался к стаду и доил коров, прямо в ладонь, а с нее в рот. Так я, лесной бродяга, прожил около двух лет.

Снова в лесу, состояние полубомбочное. Услышал голос: «Он еще живой». Это были партизаны. Взяли меня на плечи, принесли в санчасть. Рана на ноге загноилась. За дело взялся доктор Котляр. Резали на живую, я только скрипел зубами.

Дождался Красную Армию. В Долгиново погибли мои родители, брат Шмуил, другие родственники. Никто не верил, что я остался жив. Тощий, обросший, волосы слиплись. Срезали их ножницами, что стригут овец. Возле дома нашел наш подсвечник, помятый, оплавленный. Я еще послужил в Советской Армии. Но в 1961 году через Польшу выехал в Израиль.

Главным героем похода был Николай Киселев, но в СМЕРШе его посчитали дезертиром, арестовали. Евреи заступились за своего спасителя. ...Николай родился в одном из сел Башкирии. Закончил в Ленинграде институт, ушел добровольцем на фронт. Он попал в плен, но не растерялся, по пути следования выбил в вагоне доски и бежал на ходу поезда. Добрался до Белоруссии, в Минской области, деревне Илье стал членом подпольной группы. Когда над подпольщиками нависла угроза, Николай уходит в партизаны. После войны работал в Министерстве внешней торговли. Женился на партизанке-разведчице, участнице этого героического похода Анне Сиратковой. У них родились дочь и сын. В 1974 году Николай Киселев умер. В Израиле ему

присвоено звание Праведника народов мира. В деревне Долгиново именем партизана названа улица. Ехескель Гитлич, тоже из числа выживших, которому в 1942 году было 10 лет, сказал о Николае: «Он был как папа для нас». Долгиновцы сравнивают Николая Киселева с Моисеем, выведшим евреев из египетского плена.

...Фильм «Список Киселева», в котором повествуется о трудном походе евреев, получил 17 престижных премий. Среди них «Гран-при» и специальный приз студенческого жюри на XII Международном фестивале телевизионных программ и фильмов «Золотой бубен» (Ханты-Мансийск, сентябрь 2008 год); «Гран-при» конкурса «Телевизионные программы и фильмы на X международном телекинофоруме «Вместе» (Ялта, сентябрь 2009 год); Диплом лауреата I степени и специальный приз в номинации «Документальный фильм/программа на Евразийском телевизионном конкурсе социальных программ и фильмов для молодежи «Я – человек» (Оренбург, октябрь 2009 год). Было очень много хороших отзывов о походе и фильме. Привожу два из них. Известный кинорежиссер Татьяна Лиознова: «Я шесть лет не плакала у телевизора – ты (она обращается к продюсеру Якову Каллеру – Д.Ф.) заставил меня плакать». Один из посетителей интернета: «Про каждого из 218 евреев «Списка Киселева» можно сказать то же, что флорентийцы говорили про Данте: «Он был в аду и вышел оттуда».

Руководители микбацей-диора, что на улице Радак в Хайфе, ветеран войны Борис Каган организовали встречу с участником этого труднейшего похода Мирьям Дойч-Гольц. Она поделилась воспоминаниями, рассказом о своей дальнейшей судьбе.

«Немного в стороне остался Иван Тимчук, командир партизанского отряда «Мститель», который спас более 200 евреев, - горячо дискусирует Леон Рубин. - Мы, выжившие в оккупации, сейчас прикладываем усилия, чтобы ему тоже было присвоено звание Праведника народов мира. Мы,

долгиновцы, хотим, чтобы память о наших земляках, погибших от рук фашистов, навсегда осталась в памяти людей. Поэтому решили высадить пять тысяч деревьев в одном из уголков Израиля».

Украина

Положение в этом регионе Советского Союза в годы испытаний не на много отличалось от того, что происходило в соседних республиках: разбойные нападения, погромы, сопровождаемые уничтожением евреев, пришествие немецкого «Ordnung» - порядка, когда еврейская жизнь ничего не стоила. Горькая доля бабушек и дедушек, матерей и отцов, которых привозили к расстрельным ямам, становилась еще тяжелее, когда они видели, как гитлеровцы и полиция издеваются над их детишками. Это можно перечислить, но нельзя без содрогания даже сегодня читать о таких экзекуциях.

В городе Бар Винницкой области начальник полиции Андрусев приказал младенцев бросать в яму живыми. Он ходил вдоль нее и хладнокровно методически расстреливал их из пистолета. Совсем маленьким разбивали голову о корпус стоявшего рядом автомобиля. Это произошло 19 августа 1942 года.

Город Галич Житомирской области. Середина апреля 1942 года. Баржу с 30 детьми утопили в реке Днестр. В городе Городенка Иваново-Франковской области уже 5 июля 1941 года расстреляли 3750 евреев, убийства продолжили 4 декабря. Погубили 2600 человек, в том числе около тысячи детей. Их руки связывали колючей проволокой, порой живыми сбрасывая в траншею.

На территории Ботанического сада в Днепропетровске нацисты вырывали из рук отцов и матерей маленьких грудных детей, бросали в овраг и заживо забрасывали землей. В Кривом Роге детей бросали в шурф живыми. При ликвидации гетто в поселке Почаев Тернопольской области было расстреляно 794 человека, в том числе 238 детей. 4 сентября

1942 года всех узников гетто города Снятин Ивано-Франковской области согнали на центральную площадь, затем привели в помещение бывшего клуба «Сокол», заперли, продержали без пищи, без воды шесть дней. Все дети, находившиеся там, умерли.

Транснистрия

В начале сентября 1941 года согласно договора немецкого Вермахта с Румынией между Днестром и Бугом была создана провинция, названная Транснистрией и отданная под румынский протекторат. В нее вошли Винницкая, Одесская и часть Николаевской областей. На этой территории действовало более 200 гетто и концлагерей. Сюда были депортированы 140 тысяч евреев Буковины и Бессарабии, а также часть иудеев Румынии.

Считается что румыны более терпимо относились к евреям. Но в Транснистрии было уничтожено более 250 тысяч евреев. Правда, порядка 70 тысяч выжили после долгих мытарств, после смертей родных, близких от длинных изнурительных переходов, болезней, убийств. Голод и холод дополнили количество человеческих жертв. Об этом рассказывают свидетели тех событий.

Через годы, через километры

- Нас перестали убивать, но люди умирали один за другим. Их выносили, а назавтра были новые трупы, от голода, болезней – обессиленный организм не в состоянии был сопротивляться любой инфекции - люди падали на землю, - рассказывает Сара Вайнштейн (Куперштейн), которой было 12 лет. – Нас держали для того, чтобы мы умирали. И пулеметы не нужны были.

Жила Сара в городе Новоселица, ранее район назывался Бессарабия и входил в состав Румынии, затем в Черновицкую область. Старший брат Шая учился в университете, после присоединения земель к СССР сумел уехать в Перу. Когда в город пришли немцы, семью: отца Соломона, мать Дину,

десятилетнего брата Элиаса и Сару загнали в концентрационный лагерь Транснистрия. Сначала командовали немцы, за малейшее неповиновение тут же убивали. Так 2 июля 1941 года они расстреляли около 900 евреев, потом пришли румыны.

- С ними хоть о чем-то можно было договориться. Нам не давали ни питья, ни еды. Шли в села и выменивали, что у кого сохранилось после мародерства солдат и полицейских. По возможности подрабатывали у крестьян на их хозяйствах, и они давали нам кой-какие продукты. Жили мы в жилом доме. Там три комнаты. В одной остались хозяева-старики, в двух остальных жило 30-40 узников. Спать ложились на пол – другого места не было. Румыны убивали меньше, но очень издевались. Для них ударить человека ничего не стоило. Все же мы дождались освобождения.

...Семье в 1945 году разрешили выехать в Румынию, оттуда через несколько лет в Париж, а через год им дали билет до Перу, где жил и работал адвокатом брат. Там Сара Вайнштейн прожила сорок лет. В Перу ее отцу помогли, начал с продавца в магазине, вскоре стал его владельцем. В нем трудилась и Сара, продавала модельную обувь. Теперь С. Вайнштейн живет в Израиле, приехала в 1988 году. Две дочери и сын закончили университет, сын работает в Перу. Младший брат бывшей узницы концлагеря живет в Каракасе – столице Венесуэлы. Вдумайтесь, какой путь, а он был довольно нелегким, прошла эта женщина: Румыния, СССР, Франция, Перу, чтобы все-таки в итоге оказаться в Израиле.

«... а там немцы ...»

Исаак Хош был председателем еврейского колхоза «Працавник», что вблизи города Ольгополь Винницкой области. С началом войны его призвали на фронт. Дедушка с бабушкой держали лошадей. Решили ехать вместе – семья Исаака: мать Гитл, сын Яков, дочь Рива – ей исполнилось всего год, и семья дедушкиного брата. По дороге, кто отставая,

кто догоняя, шли солдаты, оборванные, грязные, многие из них выходили из окружения. Двигался и солидный обоз в 50 повозок с бежавшими людьми из областей, к которым подбирались фашистские орды. Добрались до города Саврань Одесской области.

- Вы в Одессу? Там же немцы, - сказали им местные жители.
- Они обошли вас.

- Весть опарашила нас, а тут увидели и самих завоевателей Европы, узнали их натуру. Весь кагал поместили в конюшню, заперли. Мы внимательно прислушивались к происходящему наружи. Немцы что-то говорили. Многие слова были знакомы, поэтому уловили, что нас хотят поджечь. Ночью была перестрелка. Оказалось что советские войска отвоевали назад этот городок. Через два часа снова разгорелся бой. Взрослые решили ехать обратно в Ольгополь, - рассказывает Яков Хош.

- Евреи этих мест, оставшиеся в оккупации, продолжали в основном жить в своих местечках, селениях. Выходить за их пределы было строжайше запрещено. Гоняли на работы, избивали. Еду нужно было искать самим. В Ольгополе и Чечельнике в основном орудовали румыны, иногда с инспекцией наведывались немцы. Наш дом был на окраине города. Поэтому, когда фашисты организовали концентрационный лагерь, нас выселили и дали одну маленькую комнатенку на всех. Мама моя вязала сети для рыбаков, меня поставили сбивать ящики, иногда отправляли на уборку капусты. Сделаешь норму – получаешь головку капусты. Не выполнишь – получишь пару ударов. А было мне всего девять лет. Однажды решил я пойти на реку. Было очень жарко, мечтал искупаться, а может и рыбки наловить. Меня поймали, избили. Румын достал пистолет. Ну, думаю, сейчас укокошит. Страх охватил меня, глядя как он подымает оружие.

- Пух! – это он голосом издал громкий звук и рассмеялся. Говорят: румыны не убивали. Не было дня, чтобы в кого-то не стреляли. Комендант Григореску зверствовал. Он насильно

забирал все драгоценности у узников. Стало легче, когда старостой в концлагере стал еврей из Кишинева, ему было проще договориться с румынами.

...Это было в Чечельнике. На легковой машине приехали немцы. Собрали всех и начали издеваться над евреями. Фашист-офицер набросился ни с того, ни с сего на женщин и стал избивать их плеткою. Люди не могли понять, что этот изверг, считающий себя властелином мира, от них хочет. Тот еще более свирепел, понимая свою безнаказанность. Недалеко стоял дядя Якова Хоша – Иосиф Блитштейн, человек среднего роста, широкоплечий, с большой бородой. Он не мог смотреть на зверское отношение гитлеровца к женщинам, среди них были и его близкие. Не выдержал Иосиф, подошел к офицеру и ... плюнул ему в лицо.

...Люди замороженные смотрели на этого религиозного еврея, осмелившегося бросить вызов всем нацистам, и думали, что сейчас будет. Смотрели на немца, который побледнел как полотно и растерялся. Солдаты схватили Иосифа. Офицер, обтерев белым платочком лицо, приказал привязать еврея к лошади, пустить ее галопом по всему Чечельнику. Люди шумели, кричали, умоляли, плакали. Но сердце фашиста, если оно у него было, не подвластно жалости. Так погиб Иосиф Блитштейн, в прошлом мясник, его в городе хорошо знали – тихого, добропорядочного человека.

Прибыли в поселок и евреи Бессарабии, Буковины, их поместили в гетто, но более половины из них погибло от болезней, от голода. Когда началось наступление советских войск, люди попрятались, кто где мог: в погребах, на чердаках, в огородах. Но пришло освобождение. Отец пришел с фронта инвалидом, прожил недолго. Яков Хош пошел в третий класс. Чернила делали из сока бузины, писали на газетах. Таковы были послевоенные годы.

- Сорок шестой год был очень голодным, «до опухания», - утверждает Яков. - После седьмого класса я поступил в ремесленное училище связи. Армия, курсы младших

лейтенантов, помощник командира взвода, начальник радиостанции. В 1959 году демобилизовался. Устроился слесарем-сборщиком на завод «Электроточьприбор» в Кишиневе. Прошел путь до заместителя начальника цеха. Был удостоен наград, медалей: «100 лет со дня рождения Ленина», «Почетный ветеран труда».

Яков был активным участником в различных спектаклях народного самодеятельного театра, режиссером, наставником у них был известный театральный деятель Михаил Калик. Приехав в Израиль, Я. Хош восемь лет работал на текстильной фабрике в Кирьят Шмона. Здесь он вместе с женой Ольгой (о ней подробнее ниже) стал руководителем народного театра.

.....

«Погиб без вести» - сколько таких сообщений получили семьи фронтовиков? Сто тысяч, миллион? Вот один из них – Абрам Гитер. Ушел на войну и сгинул, где лежат его косточки, никто не знает. Его семья: беременная жена Гита, шестилетний сын Яша, остались без главы дома, не смогли эвакуироваться, да и времени на раздумье особого не было, немцы вскоре вошли в район. Село Дзыговка Ямпольского района Винницкой области часто вспоминают бывшие узники гетто и концлагерей. Здесь жило не мало евреев, в том числе и семья Гитер. Прятались, конечно, чтобы ни немцы, ни румыны не схватили их.

- Нас должны были расстрелять, но как видно решили, что все равно умрем от голода, - рассказывает Исаак Гитер. - Мама родила меня, когда уже нас оккупировали, в декабре 1941 года. Еды не было, рискуя жизнью мать убегала из гетто в поисках кусочка хлеба, какой-нибудь пищи. Я ослеп от голода, правда позже зрение возвратилось. Не намного легче было остальным. Чтобы нас не нашли, мама прятала нас в погребе, брату приказывала закрывать мне рот, если буду плакать, никто не должен был услышать мои вопли.

Дважды могли расстрелять евреев Дзыговки. В первый раз евреи собрали все драгоценности: кольца, серьги, цепочки

и отдали немецкому коменданту, он отменил расстрел. Во второй раз всех евреев загнали в польский костел и заперли. Собирались сжечь, но подоспели передовые части Красной Армии. Так мы остались живы. Наше село освободили в апреле 1944 года, часть евреев уцелело, а в соседних местечках многие стали жертвами фашистской истерии. Передо мною и сегодня яркая картина, как встречали солдат Красной Армии. Они угощали нас кашей, вкус которой запомнился надолго. Это было блаженство, невероятное счастье.

Еврейское местечко

Небольшая речонка Мурафа делала в этом райском уголку петлю. Вдоль ее и расположились четыре села Мазуровка, Хреновка, Гацуловка и еврейское селение Черневцы, которое, после присоединения к Советскому Союзу, создало свой колхоз со своими кадрами. На Винницинщине было ряд таких мест, где основное население составляли евреи. Нужно отметить, что люди соседних сел жили довольно дружно, несмотря что у каждой из них была разная религия: католическая, православная, иудейская, в одном селе люди шли в костел, в другом – в церковь, в третьем – в синагогу. Евреи-ремесленники были желанными гостями у поляков, украинцев; те, в свою очередь, сбывали сельскохозяйственную продукцию евреям. После присоединения западных областей к СССР в село прибыли беженцы из Румынии, Буковины. Их разместили по дворам, одну из таких семей, четырех человек, приняли Аврам и Малка Пустильники.

Немцы вошли в этот район уже через четыре недели военной компании. Не так легко поднять жителя деревни, у которого свое хозяйство, скотина. Да особо никто и не пытался агитировать. Только начальство, понимая, что гитлеровцы в первую очередь возьмутся за них, забегало. Побеспокоился о своей семье и Исаак Фаерберг, начальник отдела райисполкома, взял машину, посадил беременную жену Маню, ее мать, дочь Таню и отправил от границы боевых

действий подальше. Их где-то высадили, добирались затем на лошадях, пересели на поезд.

- Эти сведения у меня от рассказов матери. Я и не могла помнить. Родилась уже в поезде на станции Дебальцево. (На границе Донецкой и Ворошиловоградской (Луганской) областей. – Д.Ф.) Роды начались под «музыку и световое оформление» взрывающихся бомб. Какая-то женщина, была ли она специалистом в области акушерства не знаю, принимала роды, - говорит Белла Пустильник (Фаерберг). - Она долго уговаривала мою маму, чтобы отдала ребенка, то есть меня, ей. «У тебя же есть одна, с двумя ты не выживешь, видишь, какая обстановка вокруг». Разве могла мама пойти на такое? Приехали мы в Узбекистан, город Фергану. На удивление всем я выжила, хотя болела брюшным тифом. Но сестренка Таня умерла от истощения. В 1944 году вернулись в Черневцы. Да вот беда, говорить не могу – не знаю ни одного слова ни на украинском, ни на русском. Пришлось все осваивать. Отец с фронта не вернулся, на все запросы отвечали, что погиб без вести.

Судьба Григория Пустильника из того же села Черневцы, будущего мужа Беллы, сложилась иначе. В их семье была корова, лошадь, куры. Работали они в колхозе. Пока судили-рядили, немцы заняли район. Собрали все население на площади, велели оставить двери домов распахнутыми, но приказали местным жителям и близко не подходить к чужому имуществу. Продержали евреев с семи утра до позднего вечера. Была сильная жара, очень хотелось пить. Фашисты взяли в заложники 12 человек, в том числе дядю Мойше, и на виду у всех уничтожили: их кидали с моста, с высоты 5-6 метров, и стреляли, убили двоюродных брата и сестру, которые прятались в погребе. Нацисты ушли, а на смену им пришли румыны.

Григорий, шестилетний паренек, родители, старшая десятилетняя сестра Бузя, младший четырехлетний брат Нусим оказались вместе с другими евреями села в гетто,

которое было окружено колючей проволокой. Такие как он, ребята постарше, были главными добытчиками продовольствия. Они могли пролезть через любую щель, чтобы принести родителям кусок хлеба, пару картофелин – ее ели не очищая от верхних очисток, нужно было хоть немного утолить голод. Из картошки можно было приготовить различные блюда. Взрослым выход за пределы гетто был запрещен, но детей румыны не трогали.

- Немцы забрали у нас всю живность, поэтому приходилось идти в другие села просить или выменивать на сохранившиеся одежды еду, - рассказывает Григорий Пустильник. – Мама, отправляя меня за продуктами, говорила: «Сегодня иди к Нюре и Стасе, они чем-нибудь да помогут». Пробирались через реку по мостику, вроде бы гуляя, нечаянно. Если были строгие часовые, то мы ныряли, выплывая вдали от них. Забрехали в сады, срывали порой не совсем созревшие сливы, что обходилось потом болезнями.

...Чтобы пополнить запасы вещей на обмен, в селе начали распарывать старые шерстяные вещи и вязать из них что-либо оригинальное, вязали и теплые носки и варежки – тоже ходовой товар. Когда уже и этого было мало, то суп из крапивы становился деликатесом. Евреев ничем не обеспечивали. Рассчитывать могли только на себя, поэтому еще с лета заготавливали хворост, дрова на зиму.

- На удивление в нашем селе румыны не зверствовали, (разве что ворвались в синагогу, сожгли молитвенники, другие книги, а Тору расстилали до речки и топтали, рвали ее сапогами. Через три дня после захвата села расстреляли 12 евреев, еще через четыре дня сбросили людей в речку Мурафа, в конце месяца погибло 27 человек. – Д.Ф.), пропускали нас малышей с добычей, не забирали ее. Но однажды загулялся у товарища, возвращался домой в сумерках, слышу окрик, я бежать. Часовой передернул затвор, а я споткнулся и упал. Пуля пролетела у меня над головой. Судьба остаться живым и невидимым. Румыны насильовали женщин, разрушили

еврейское кладбище, забирая надгробья для постройки комендатуры, мощения улицы. Основная часть еврейского населения выжило, хоть и в нелегких условиях. Недалеко километрах в семи расположились деревни Боровка, Моевка, Бабчицы, там с евреями расправились, причем не столько немцы, как местные фашисты, подонки. Уничтожали иногда без оружия – кольями, ножами, топорами.

Нас освободили 14 марта 1944 года. Помню немцы поставили на мосту пушку, пытаясь остановить наступление Красной Армии. Советский танк вошел в село и прямой наводкой тут же уничтожил эту пушку. Население вышло встречать освободителей, все радовались, мы, дети, прыгали от счастья, каждый пытался чем-то угостить солдат. В основном среди них были совсем молодые – 17-18 летние. Вышла к красноармейцам и тетя Груня, еврейка, с тремя детьми. Она надеялась встретить своего мужа, ушедшего на фронт в первые дни войны. Тут фашистские самолеты неожиданно налетели, начали утюжить, земля содрогалась от взрывов. Все разбежались, но тетя Груня со своими детьми не успела, была убита. Надо же - погибнуть в день освобождения от гитлеровских войск. У дяди Мойше, которого уничтожили немцы, было пятеро детей, двое сыновей погибли на фронте, останутся в живых младший - четырнадцатилетний и две дочери.

Григорий Пустильник возглавляет в Хайфе организацию бывших узников концлагерей и гетто, ведет активную работу: он поддерживает связь с различными благотворительными организациями, стараясь оказывать большую помощь пострадавшим в годы Великой Отечественной войны. Дважды в месяц, по четвергам в здании хайфского «Бейт Оле» собираются люди, чтобы обсудить насущные проблемы, узнать новости о положенных им льготах, о культурных мероприятиях, об экскурсиях. К тем, кто не в состоянии прийти на собрания, прикреплены более крепкие здоровьем бывшие узники, они навещают больных, товарищей постарше,

помогают с ремонтом. В традицию вошло раз в году отмечать день рождения юбиляров с вручением им сувениров.

«У нас был хороший румын...»

Рекечинская Клара с тех же мест, что и предыдущие герои, села Мурафа. Евреи составляли большинство населения – в 30-е годы село было центром еврейского сельсовета. Часть жителей успело эвакуироваться, но все же порядка 850 евреев осталось в селе.

- 20 июля немцы появились в нашем поселке, - рассказывает Клара. – Все позакрывали окна, притихли. Вначале нам разрешали ходить в другие села, чтобы поменять вещи на продукты. Семья наша не очень большая : папа, мама и я с сестрой Фаней. Старший брат Ефим был на фронте и погиб, где неизвестно. Но к нашим добавились еврейские беженцы из западных районов. Богатые прибыли на подводах, бедные пешком. Пришлось потесниться – в каждом доме жило до 20 человек. Наш дом стоял возле речки. В этот район согнали всех евреев и образовали гетто. Часть людей разместили в школе, синагоге, клубе.

...В гетто села Мурафа загнали более 4,5 тысяч евреев. Всех заставили носить повязку в 15 см шириной, объявили комендантский час, гоняли на разные работы: чистку улиц, мытье комендатуры, строительство дорог. Голод, болезни губили людей не хуже чем пули.

- У нас комендантом был румын – очень неплохой человек.

При его содействии весной 1942 года в селе были организованы детский сад, школа, детский дом. Конечно, трудиться приходилось и взрослым, и подросткам. Более сильных отправили на карьер вытесывать камни, я работала на прокладке дороги к станции Яросенка. Не выполнишь норму – лишат еды. 16 марта 1944 года в село вошли партизаны, румыны удрали. Слава Б-гу все мы остались живы.

Дальше моя жизнь пошла по обычному руслу: школа, медицинский институт, больница, в которой проработала 40

лет. В Израиль приехала с семьей дочери, тоже медиком, в 1998 году.

И в холоде, и в голоде

Колючая проволока опутала несколько улиц районного центра Копайгород Винницкой области. Немецкие солдаты и полицейские ходили по периметру территории, наблюдая, чтобы никто не мог выбраться за пределы концентрационного лагеря. Жили скучено по четыре семьи в одном доме.

Рассказывает Инда Трупина (Блехман): - Мне было пятнадцать лет, но приходилось работать наравне с другими. Зима 1941-1942 года была очень морозной. От непосильного труда, недоедания, многие падали замертво прямо на улице. Если у нас еще были какие-то связи, знакомые по-за забором, то беженцам из других мест надеяться было не на кого.

...Большая семья Блехман жила в Виннице. Старший брат Давид еще в 1939 году был призван в армию, дослужился до майора, второй брат Самуил ушел на фронт, оставив молодую жену и пятилетнюю дочь Клару (сейчас живет в Хадере), погиб, третий братишка Яков, учился в Киеве на 3-м курсе индустриального института, пропал без вести, скорее всего оказался в Бабьем Яру, четвертый брат Пиня, пятнадцатого года рождения, попал в окружение и добрался до Копайгорода.

- Когда немцы стали приближаться, мы положили самое необходимое на подводу и попытались удрать. Но в дороге подводу с лошадью реквизирировали военные. Стали пробираться пешком. Так мы оказались в Копайгороде, где уже 20 июля хозяйничали немцы.

Всех евреев загнали в лес, участок был огорожен проволокой, жили в шалашах. Чтобы запастись водой, нам выделяли всего полчаса, того кто застрял, не успел, расстреливали. Целый месяц рядышком находилась немецкая часть. Нас водили чистить чердаки. Однажды я осталась одна на крыше, внизу стоял фашист и целился в меня. Я страшно испугалась,

спрыгнула с другой стороны и удрала в поле. Меня искали, но я надежно спряталась. Родителям про этот эпизод не говорила, чтобы не волновались. Четыре месяца все узники находились в лесу.

В Копайгороде, жили в большой тесноте. Отец простыл, схватил воспаление легких. Румыны потребовали всем выйти из домов, папа оказался последним, они его сильно избили. Следствием этого был инсульт, не работала правая рука. Нас принуждали работать: кто ремонтировал дороги, кто возил воду в бочках, кто занимался ремонтом, чисткой дорог, мытьем полов, кого-то посылали на заготовку древесины в лес.

... У Инды Блехман фашисты уничтожили в местечке Снитков две семьи тетушек с детьми, других родственников. 17 марта 1944 года узников освободил партизанский отряд, на следующий день вошли части регулярной Красной Армии, даровавшие узникам гетто свободу, возможность спокойно жить и трудиться.

В Копайгороде, согласно статистическим данным за 1939 год, жило 1075 евреев, многие из них успели убежать, осталось в оккупации более 300, но к январю 1943 года с прибывшими беженцами в заключении оказалось 2,2 тысячи человек. В энциклопедии «Холокост на территории СССР», главный редактор И. Альтман, сказано, что в гетто Копайгорода «умерло от голода и болезней в 1941-1942 гг. 2, 8 тысяч евреев, среди них немало детей-сирот».

После войны Инда Блехман закончила техникум, работала технологом на одном из заводов Риги, вышла замуж за участника Великой Отечественной войны Шлему Трупина, кавалера двух орденов Славы, недавно скончавшегося. В настоящее время Инда живет в Хайфе.

.....

- Жили мы в селе Мяткова Крижопольского района Винницкой области. Семья – пять человек. Вначале румыны издевались над нами, затем в мае 1943 года отобрали 100

мужчин евреев и привезли в село Трихаты Николаевской области, - рассказывает Семен Савраневский. – С первых дней фашисты доказывали, что они хозяева, они могут вершить все, что угодно.

В этом селе немцы создали аграрное хозяйство СС, на котором трудились военнопленные и евреи. Сюда привезли тысячу узников из других мест. Часть людей работало в сельском хозяйстве, часть на строительстве моста через Буг.

- Жили мы в вагонах, кормили очень плохо. Я тихонько, чтобы не заметили гады, уходил просить у крестьян хоть кусочек хлеба. Потом делился полученным с товарищами, а те в это время выполняли мою норму выработки: Мы грузили, разгружали разные материалы, песок. Работа была тяжелая, смертность большой. Слабых, больных гитлеровцы расстреливали или сбрасывали с моста в воду, - продолжает вспоминать Семен. - В конце 1943 года лагерь ликвидировали, нас отправили в те места, откуда привезли. Там дождалась прихода Красной Армии.

Трижды спасенный

Местечко Куты (Китев) принадлежал Польше, а с 1940 года здесь была советская власть. Работали две школы – одна польская другая еврейская, преподавание велось на идиш. Хаимку Друкмана, конечно, отправили в еврейскую. Да вот беда, по субботам тоже нужно было идти в школу. Даже в Судный день (Йом Кипур) приказали явиться, но обещали, что ручкой можно не пользоваться.

- Когда я в тот день вернулся домой, - рассказывает Хаим Друкман, сегодня один из известнейших равов Израиля, - узнал, что утреннюю молитву уже прочитали, ее пропустил. Я так переживал, плакал, что и сегодня отчетливо помню.

В наше еврейское местечко вошли немцы. Как и во многих местах, издевались, убивали. В доме дяди мы вырыли комнату-схрон. Чтобы в нее попасть, нужно было открыть дверку шкафа, поднять фанерку, что на его дне, и тогда можно было

спуститься вниз. Здесь мы прятались в трудные моменты. Однажды увидели, что во двор вошли гитлеровцы. Все скорее вниз. Немцы вошли в дом, стали переворачивать все верх дном, так стучать, что дверцы нашего шкафа распахнулись, вылетела и нижняя фанерка. Мало этого, моя бабушка закашлялась, но то ли в доме стоял такой грукот, то ли немцы не обратили внимание, они ушли. Так мы спаслись.

... Фашисты спалили все местечко. Нужно было искать выход. Мама Хаима отдала обручальное золотое кольцо, чтобы их отпустили в Румынию, там к евреям относились более лояльно. Пришлось идти вброд через речку Черемош.

- Иду я, смотрю вода мне по плечи, по подбородок, стал на цыпочки. Прошли! Это было мое второе спасение от врагов. Приехали мы в Черновцы, но спокойствия не было. Нужно пробираться в Палестину, в Израиль, решили в семье. А сертификат от англичан получить не удавалось. Его выдали одной бездетной паре, которая решила взять меня с собой. И сегодня продолжаю удивляться, как это я согласился оставить родителей. Потом, когда мы соединились, мне рассказали, что мой отец просидел без света целый год в яме.

Прибыли в румынский порт Констанцу. Там стояли три парохода, на них и решено было отправить евреев. Стоим и ждем. Выкрикивают фамилии, а моих попутчиков не называют. Глава семьи пошел узнавать, в чем дело.

- Ваша фамилия?

- Крайзбергер.

- Но мы называли ее. Вы должны были плыть на втором корабле. На нем уже более чем достаточно людей, садитесь на третий.

Это было наше третье спасение, так как второй пароход, который отправили из Констанцы, потопили немцы.

...Хаима Друкмана направили в детский дом. Однажды ночью его разбудили, вывели за пределы общей спальни. Здесь парня ждали родители, они крепко обняли его. Воспитатели ждали пока все дети заснут, не хотели, чтобы

малыши плакали, переживали, видя счастье своего товарища, но не дождавшись своего.

Трудными дорогами шли евреи к своей настоящей родине – Израилю. – Мы должны всегда помнить, сколько невзгод выпало на долю еврейского народа, - говорит рав Хаим Друкман.

Мамалыга – вся еда **Из истории детства Давида Мальцера**

1940 год, Давиду 4 года. Семья жила в городе Могилев-Подольский на границе с Румынией. Он ходил в детский садик. Вместе с ним и братик Наум, на год младше Давида. Мама кормила грудью самого маленького, недавно родившегося Моисея. В связи с присоединением Молдавии и других западных территорий к СССР, отца послали в Бессарабию работать. Всей семьей они приехали в городок Новоселицы, что под Черновцами.

1941 год, Давиду 5 лет. Прожили здесь меньше года, началась битва народов. Отец сразу ушел на фронт. Мальцеры попытались эвакуироваться. Удалось сесть на грузовую машину, которая была набита людьми, «друг на друге», как замечает Давид. Но вскоре всех высадили, пересели на телегу, так доехали до города Хотин.

- По дороге мы видели воздушный бой советского самолета с немецким. Наш самолет загорелся и резко пошел к земле. Возчик с нашим небольшим имуществом укатил побыстрее, мы остались в том, что было на нас одето. В Хотине горела почта, фашистские летчики совершили налет на базар, где собрались люди, одни продавали, другие покупали. После удара с воздуха на земле остались лежать люди, лошади, овцы. Пришли мы на вокзал, но поезда уже не ходили.

Потопали мы пешком домой в Могилев-Подольский. По дороге в Шаргороде встретили бабушку и дедушку, которые присоединились к нам. Они тоже решили бежать, но не получилось. Наш дом к этому времени был полностью

разграблен, постарались соседи, мать видела некоторые наши вещи в их квартирах. Недолго жили спокойно. Немцы с румынами устроили на Базарной площади гетто, людей сгруппировали по домам, теснотища невероятная. Первое время нам разрешали по субботам выходить из-за проволочного ограждения, но потом запретили. Пригнали еще евреев из Румынии и Молдавии, мы были обездоленные, они еще более несчастные. Мы хоть находились все-таки в своем городе.

...Справка. Желтые звезды в некоторых местах заставляли нашивать уже с пятилетнего возраста. В конце года по Могилев-Подольску прошла эпидемия сыпного тифа. Из 4401-го больного до июня следующего года умерло 1254 человека, многие из них дети. С апреля 1942 по апрель 1943 года в детдоме города скончалось 346 еврейских детей-сирот.

1942 год, Давиду 6 лет. Каждый день среди евреев разносятся слухи, что завтра будут их ловить и отправлять в концлагеря, каждый день из гетто исчезают люди, того убили там, того здесь. Всех взрослых отправляют на земляные или сельскохозяйственные работы. Идут облавы, говорят, что отправляют в лагерь «Печора». Летом под одну из таких облав попала семья Мальцер. Дедушка, мать, тетя успели сбежать, но видя, что детей нет рядом, вернулись обратно. На товарной станции их посадили в вагоны и повезли.

- В каком-то селении нас высадили, выделили домики. Мы были голодные, оборванные, вшивые. Нас почти не кормили, варили мамалыгу, но и ее было немного. Продолжались болезни, но, не глядя на это, всех, кроме детей, гоняли на работу. Командовал узниками румын по фамилии Чабан, заместителем у него был здоровый, рослый бандюга Сандул. Он свирепствовал в лагере: ежедневные избиения, наказания за самую малейшую провинность, зачастую просто так.

1943 год, Давиду 7 лет. Чувствовалось, что изменилось положение на фронтах, немного поменялось отношение охранников-румын к лагерникам, но узников никто не

выпускал, держали на прицеле. К концу года началось перемещение немецких частей.

1944 год, Давиду 8 лет.

- Наши люди сохранили мужество и надежду. Они узнавали новости и передавали в зашифрованном виде друг другу. «Иоселе шем ин Шепетовке». И евреи знали – под именем «Иоселе» подразумевали Сталина, а вернее Красную Армию. В концлагере сочиняли стихи, песни. Вот куплет одной из них:

Под открытым небом нас держали,
Похожи были мы на скот,
В одном белье нас изгоняли.
Чего молчит наш либер Гот?

Видел как немцы драпают. На второй день они бросили машину, застрявшую в грязи. Местные расхватили сахар, который был на грузовике. На третий день исчезла охрана. Мы смогли свободно выходить. Я забрался в кузов машины и выискивал песчинки сахара, на свете ничего не могло быть слаже этого. Недалеко от лагеря фашисты оставили корову, бывшие узники тут же ее зарезали. Разделили по семьям, мне достался небольшой кусочек. Я его разрывал по ниточкам и ел, удовольствия особого не получил, быть может потому, что я забыл вкус мяса, все годы немецкой оккупации мы ни разу не имели возможности получить его.

В Яссо-Кишиневской операции, освободившей наш край, принимал участие и наш отец. Он узнал, что мы вернулись в Могилев-Подольский, и приехал на «Вилисе», набитом продуктами.

... Вместе с братом Наумом Давид пошел в первый класс. Мать сшила из амуниции, оставленной отцом, костюмы, правда штанины были короткими, чуть ниже колен, она добавила манжеты и получились отличные галифе. «Мы были самыми модными в школе, - рассказывает Давид. – Босоножки тоже были самодельными. Подошва из шины автомобиля, перерамки из кусочков ремня. В нашу школу ходили сотни

детдомовцев, в большинстве своем это были еврейские дети. О них заботились, даже свой оркестр был».

После окончания 10 классов Давид Мальцер поступил в Московское военно-авиационное училище. Прослужил в Советской Армии 33 года. Вышел в отставку в звании подполковника.

2007 год. Давид репатриировался в Израиль.

2010 год, Давиду 75 лет. Живет в Хайфе, возглавляет отделение Комитета ветеранов Великой Отечественной войны района Шпринцак.

Письма из Кирьят – Шмона

Я связался по телефону с председателем отделения Ассоциации бывших узников гетто этого города Клавдией Грушко. Она переслала мне воспоминания трех человек, прошедших через муки фашистской неволи. Так случилось, что все трое жили в Винницкой области, то-есть, входившее в годы войны в состав территории именуемой Транснистрией. Многие евреи сумели выжить во время оккупации, но это вовсе не значит, что там не убивали, что там не измывались, что там было легко. Как на самом деле прошли те годы, расскажут люди северного города нашей страны.

«Спасибо за заботу о нас!»

Семья Преслер жила в деревне Черномин Винницкой области, состояла из пяти человек: главы Семена, мамы Розы, сыновей Толика - 5 лет и Миши – 1 год, десятилетней дочери Клавы. Предоставим слово старшей – Клаве:
- В первый же день папа ушел на фронт, мама осталась с тремя маленькими детьми, уехать не смогли, немцы через месяц захватили нашу область. Мы поехали в Песчанку (в те годы районный центр – Д.Ф.) к моим бабушке и дедушке. В местечке проживало около двух тысяч местных евреев и большое количество эвакуированных из Бессарабии, Румынии, Польши. Все они разместились в домах еврейских семей.

Немцы вошли в Песчанку утром, к вечеру стали ходить по домам и искать молодых женщин, девушек. В доме дедушки жило порядка 20 человек, спали на полу. Это были беженцы. Гитлеровцы с шумом ворвались в квартиру, стали стрелять в потолок, начался невообразимый крик, дети плакали. Фашисты забрали несколько женщин, изнасиловали их. Мы с мамой находились в небольшой спальне, спрятали маму, нас не тронули.

Следующим утром согнали всех мужчин, ребят на площадь, отобрали 150 человек, увезли за местечко, там заставили вырыть яму, затем расстреляли, среди них были и дети. Всех остальных гоняли на работу, на поле собирали урожай зерна. В конце сентября немецкий комендант объявил, что евреев будут переселять в другое место за реку Буг. Мама нас одела, я набросила мешочек на плечи, в который положили немного хлеба, другие продукты, бутылку молока для младшего братика. С дедушкой, бабушкой, маминими сестрами влились в колонну, которую охраняли немцы и полицаи.

Колонна была очень большая, в ней были и евреи из других стран. Шел сильный дождь, мы еле передвигались, в том же направлении ехал на подводе один украинец, он подвез дедушку и бабушку. Мы и не думали, что видим их, удаляющихся от нас, в последний раз. Начало уже темнеть. Рядом с нами шла пожилая женщина и несла одного ребенка на руках, второй шел рядом. Она зашла в грязь и настолько устала, что не смогла сдвинуться с места. На наших глазах немец ее застрелил. Дети остались около нее, они сидели, не понимая, что произошло, никому не разрешили приблизиться к ним. Это было первое убийство, которое я видела воочию.

- Надо бежать, потому что нас всех расстреляют, - это прошептал мужчина, который был невдалеке от нас. Как только мы увидели, что охрана ушла вперед, мы бросились бежать в глубь леса. Некоторые из толпы начали кричать, чтобы остановились, что нас поймают и убьют, но мамини

сестры помогали нам не упасть, не споткнуться, мы перебирали ногами, что есть мочи. Группа в 20-25 человек сумела все-таки убежать от фашистской расправы.

А колонна продолжала свой долгий путь в лагерь Богдановка. Один мужчина, бежавший из этого лагеря, потом рассказал, что бабушку на пятый день похода застрелили, дальше не было сил идти. Дедушка дошел до места назначения, его убили и сожгли в яру. Где их могилы, я по сей день не знаю.

Всю ночь мы пробирались лесом, что делать дальше толком не знали. Один местный житель, попавшийся нам на рассвете, сказал, что в Крижополе всех жидов поместили в гетто, что там есть и наши родственники. Поздней ночью следующего дня по 3-4 человека пробрались в гетто. Но там все были зарегистрированы, поэтому нам приходилось прятаться в подвале родственников.

До войны за нами, детьми, смотрела девочка Дуняша с села Попелюхи. Мама сумела передать ей, чтобы она забрала к себе Мишу, моего младшего брата. Дуня его очень любила.

Пусть хотя бы один из семьи спасется. Шли слухи, что всех узников отправят в Ободовский концлагерь. Миша был у Дуняши всего три недели, кто-то выдал девочку, доложил, что в доме живет жиденок. Она привела брата к тому дому, где мы прятались, но нас уже там не было, так как убежали в местечко Жабокрич. Большинство евреев этого поселка было убито, остались единицы, в том числе Меер, у которого расстреляли жену и трех детей, но в гетто из списка не исключили, поэтому наша семья смогла там остаться под их именами. Когда до мамы дошел слух, где оставила Дуня Мишу, она ночью пробралась обратно в Крижополь, забрала его и вернулась в гетто. У нее порвалась обувь, и она пришла босиком, а было это морозной ноябрьской ночью. В результате простуда, сыпной, а затем и брюшной тиф. Вот что значит материнская любовь! Мы были возле, поддерживали ее и тоже подхватили эти болезни. Но, как говорится, Б-г дал нам жизнь, дал возможность остаться живыми.

У Меера был сундук с горохом, я варила суп, кормила маму и детей. Иногда убегала в деревню, просила милостыню. В первую очередь давала малышам. Мой маленький братик только начинал говорить. Никогда не забуду как он сказал, держа в руках кусочек хлеба: «Дай маме, она ведь больная». У меня на глаза навернулись слезы. Все мы были обмороженные, опухшие. Из Крыжополя пришла тетя Поля, принесла немного еды, подхватила тиф и умерла.

Над нами новая опасность, начинают отправлять евреев в концлагерь Ободовку. Муж тети Поли вписал маму в списки Крижопольского гетто, перебрались мы туда в 1942 году. Нас гоняли на станцию чистить пути, мыть вагоны, причем в любую погоду. Однажды маму сильно избили, идти она не могла, ее привели. Детям делали уколы, у нас подымалась температура. В местечко прибыл отряд СС, должны были всех расстрелять, но утром на танках ворвались советские солдаты, Мы были спасены. Шел март 1944 года. Из двух тысяч евреев местечка Песчанка после войны вернулось всего 30 человек, в том числе моя мама, я и мои братья. ... Клавдия Грушко (Преслер) в 1990 году вместе с детьми совершила алию в Израиль. В том же городе Кирьят-Шмона живут ее две дочери с семьями. «Я и мои братья получаем пособие по старости, - пишет она. – Мы все благодарны Израилю за заботу о нас».

Четыре могилы Жабокрича

У окна собственного дома стоял пожилой еврей в талесе и тфилин, и молился. В селе расположилась рота румын. Их капитан заметил молящегося еврея, поставил его к стене и устроил экзамен, кто первым попадет в тфилин, укрепленный на голове верующего иудея. Это была первая жертва в Жабокричах. Прошло всего четыре дня, как оккупанты вошли в село. Об этом повествует Роман Мазлер – узник гетто.

- В тот же день, 26 июля, румыны при активной помощи украинских полицаев, среди которых особенно усердствовал

Вербицкий (сын раскулаченных), стали обходить дом за домом и выгонять людей к месту сбора. Когда подошли к дому моего деда Ушера, он вышел и сказал, что в доме находится только его сын, больной туберкулезом. Деда застрелили в упор тут же у двери, а сына Исаака, лежавшего в спальне на кровати, убили выстрелом через окно. В дом румыны заходить не стали, что спасло бабушку Песю, дядю Фойца, тетю Хану – жену убитого Исаака, и детей Яшу и Пиню от угона к сборному пункту.

Немцы дошли до дома деда Иосифа, в который после призыва в Красную Армию папы Арона, перешла жить наша семья: мама Таня, я – мне было почти три года, сестричка Фира – ей исполнилось полтора года. Там же находилась тетя Геня с моим дядей Иосифом Векслером, воевавшим в рядах Красной Армии и вырвавшимся из окружения. Всех нас вывели из дома и повели к комендатуре, возле которой евреев разделили на разные группы.

Первую группу, состоящую из мужчин призывного возраста, в нее попал и дядя Иосиф, к ним присоединили красноармейцев других национальностей, всего 160 человек, увели на территорию колхоза «Шляхом Ленина». Поставили у пустых «кагатов» - это длинные ямы, в которых хранили картофель, силос, лед и т.д., и расстреляли. Остальных, по мере накопления, отводили к трем погребам.

Мы, дед Иосиф, тетя Геня с детьми и я, попали в самый большой погреб дома, принадлежавший портному Дувиду Гершковичу. В него зашли тетя Геня с детьми, дед Иосиф и я. Бабушка Олта и мама с Фирой на руках остались на ступеньках погреба – не хватило места. У входа в погреб румыны поставили пулемет. Очередью из него убили бабушку, мою сестренку Фиру, ранили маму, пробив предплечье правой руки и раздробив палец левой. Тогда же ранили мою кузину Полину.

Дедушка Иосиф упросил часового отпустить его и меня, чтобы принести маме воды. Ночью мы проходили мимо дома

деда Ушера, увидели, что его труп продолжает лежать возле двери, немцы не разрешали хоронить. Оттуда выскочил его младший сын Фойця, схватил меня за руку и увел на чердак, здесь я прятался вместе с бабушкой Песей. Той же ночью дедушка вывел из гетто и привел в дом маму и тетю Геню с детками. Погром в Жабокричах продолжался три дня. Позже мама расскажет, что видела людей, щеголявших в одежде моего отца.

/Справка. С 27 по 29 июля 1941 года в селе было убито 435 евреев, 230 из Жабокрича, среди них 61 ребенок. – Д.Ф./

Почти три года мы мучились в страхе перед угрозой смерти, были постоянно голодные, мерзли. 15 марта 1944 года всех оставшихся в живых согнали к комендатуре. Перед нами стояла расстрельная команда: румыны, староста Полищук, полицейские. Со стороны села Соколовка были слышны раскаты орудийных залпов. К нам подскочил отряд кавалеристов, одетых в румынские шинели. Один из них что-то прошептал командиру солдат, приготовившихся к уничтожению узников. Румыны сразу развернулись и ушли. Нам сказали разойтись. Кавалеристы эти оказались партизанами. Вечером в Жабокричах появились красноармейцы. Мы были спасены, мы остались живы.

В нашем селе на начало войны вместе с приезжими с других мест было примерно 600 евреев. А сколько осталось в живых? Передо мною список фамилий и имен 230 соплеменников, это без 160 человек, расстрелянных в «кагатах». Есть и акт от 21 июня 1944 года, составленный по факту вскрытия могил специальной комиссией. Она обнаружила три могилы, в них трупы пересыпались известью. Было хорошо заметно, как производились расстрелы. В основном убийцы старались попасть в голову или грудь. Опознать людей было невозможно, лицевая часть головы разложилась.

Через 15 лет я взял отпуск и навестил родные края. С группой моих сверстников расположились в доме моего дяди Исаака, убитого на фронте. Вспоминали, как мы играли с

кузеном Пиней, как выпрашивали у старшего Яши покататься на велосипеде, как красиво тетя Хана пела песни на идиш, одновременно работая на швейной машине.

...Не увидел больше Роман Мазлер после расставания в сорок первом своего отца. Арон Мазлер был несколько раз ранен. 7 февраля 1945 года в 150 километрах от Берлина вражеская пуля попала в голову. 26 февраля в госпитале города Швибус Германия (ныне Польша) он скончался. Теперь Роман житель города Кирыят-Шмона.

Слезы Ободовки

- Моя мама часто переодевалась в украинскую одежду и ходила по селам просить еды. Нередко ее ловили полицейские, издевались, выбили зубы. Все что она, преодолевая стыдливость, вымаливала у крестьян, отбирали, топтали ногами. Мама возвращалась вся в крови, но назавтра опять шла к добрым людям. Зимой дети, а нас у нее было трое: я самая старшая -11 лет, братишки: пятилетний Захар и Ефим – 2 года, заболели тифом. Мы лежали на холодном полу, ни еды, ни питья не было, как и врачей, и лекарства. В гетто был всего один колодец, да и то немцы скинули туда тифозных больных, еще живых. В результате весь лагерь остался без воды. Вновь маме пришлось идти в село. Там ей дали маленькую бутылочку молока и немного картошки. У самого лаза в заборе ее заметил полицейский Филька.

- Рыся, чего несешь?

- Дети больны тифом, люди дали немного еды для ребятишек. Филька молоко вылил, сапогами картошку растоптал, маму избил. Она плакала, умоляла не трогать еду, но полицейай был непримирим.

- Вас, жидов, все равно расстреляют! Все подохните! А ведь этого парня вырастили евреи, он был сиротой, жил среди евреев поочереди то в одной, то в другой семье. Его кормили, одевали, он ходил вместе с нами в школу, хорошо говорил на идиш. Вот тебе «благодарность» за добрые сердца

евреев, - рассказывает Неля Беккер.

...Семье Шнайдерман выделили быков для эвакуации, но было поздно. Отец уже воевал с немцами, мать была на работе, гитлеровские летчики бомбили село Старая Ободовка. Рядом с их домом взорвалась бомба, разрушив половину. Хорошо, что они в это время шли к матери. Многие в тот день погибли от авиаудара. Их приютил сосед Юхтим Крысько. Место нашлось только в яме для жома (силос). Выходили только по нужде. Соседи снабжали едой и водой.

- Через неделю немцы были в селе, стали искать евреев. Зашли к Крысько, угрожали, что если найдут евреев, то расстреляют и его семью. Но наш сосед нас не выдал. Всех евреев согнали в сарай на окраине города. В Ободовку пригнали соплеменников из Румынии, Бессарабии, даже Италии. По приказу немцев узники построили несколько барачков без окон и дверей, обнесли территорию колючей проволокой, вокруг вырыли ров. Так все оказались в гетто.

Издевательствам варваров не было предела. Девушки, молодые женщины вымазывали себе лицо грязью, прятались от надзирателей, только в нашем бараке было изнасиловано три девушки. От местных доставалось еще больше, чем от немцев. Нас били, над нами смеялись, а ведь не так давно они дружили с евреями. Бандит-полицейский Негода играл на гармошке и пел такие частушки:

Дайте в руки мне жида,
Разорву на части,
Чтобы не было жида
При немецкой власти.

В нашем гетто был раввин из Молдавии вместе с большой своей семьей. Здесь, в гетто, он ее и похоронил. Из угла, где он все время молился, раздавалось «Шма Исраэль!». Когда читал Тору, в дом ворвались фашисты в поисках девушек. Они избили раввина, сожгли ему бороду, начали щекотать, заставляя его танцевать. Продолжали издеваться над ним даже, когда он был мертв. Нас принудили смотреть на эту

страшную картину.

Где-то в конце 1942 и начале 1943 годов прошел слух, что немцы хотят убереечь еврейских детей, поэтому будут делать уколы. Никто в это не верил, многие попрятались, но гады вылавливали нас и кололи. Назавтра вся площадь была усыпана детскими трупами. Получила инъекцию и я, поднялась высокая температура. Пришел староста, принес спирт, велел смазывать место укола. Чудом я выжила. У некоторых брали кровь для немецких солдат. Группу 15-16-летних мальчишек отправили из гетто строить мост в городе Николаеве. Их привязывали по десять человек, они все время были в воде, только руки были свободны. Им бросали хлеб. Если один из них умирал, тащил за собой остальных. После войны тела ребят вытаскивали, чтобы похоронить достойно.

Питались мы, в основном, одной травой: лебедой, спорышем, акацией и тем, что передавали нам наши украинские друзья. В одной комнате жило от 15 до 20 человек. Прямо в сенях устроили туалет, на улицу запрещено было выходить, только на работу. Зимой еще ничего, а летом дышать было нечем, вонь невыносимая. Здесь же находились три маминых сестры с семьями, бабушка Эстер. Однажды я пошла нарвать траву в черте гетто. Охранники специально на нашем пути разбили стекла. Я порезала ногу, вытащить занозу сама не смогла, побежала к маме. Вытянула она осколочек, засыпали ранку песком. Нога сильно нагноилась, хотели мне после освобождения местечка отрезать ее, но военврач воспротивилась и вылечила мою рану.

От тех времен остался еще один знак на моем теле. К нам, девочкам, подошли двое молодых немецких солдат. Мы пекли лебеду на костре, иначе ее невозможно было есть. Они сказали, что хотят изучать русский язык. Спросили как нас зовут, как пишутся буквы и каждой девчонке чернилами сделали наколки на руке. И по сей день у меня на левой руке буква Н.

Зимним морозным утром стариков и детей согнали во двор,

трудоспособных еще на заре увели на работу. У меня на руках был двухлетний Ефим, рядом Захар. Малыша я завернула в разное тряпье. Шел снег, дул резкий ветер. От холода дети стали замерзать, их голодные душонки не могли сопротивляться долго, бороться с голодом и холодом. Некоторые ребята попытались зачерпнуть горсть снега, чтобы напиться, но их за это избили. У Захара побелели щеки, стала их растирать. Женщина, стоявшая возле, сказала: - Смотри, у тебя малыш на руках засыпает. Не давай ему спать!

Я стала тормошить Фимку, тереть его ручки и ножки. Так простояли мы до темноты. Только потом нас загнали в барак. Взрослые могли сопротивляться, многие были в партизанском отряде: Яша Шаевич, Миша Ходеров, Мика Фельдман, Наум Зицер, Меир Печерский, Сольцман, мамина двоюродная сестра Дора Фарбер была связной. Ее поймали, сильно били, руку зажимали дверью. Ее вызволил из тюрьмы староста Иванченко. Он был хорошим человеком, сообщал о готовящихся облавах, говорил нам: «Ховайтесь, девчата!» Помогали другие люди нашего села: Крысько, Очан, Тисманецкий, Бурдейный, Наташа Ельцова, Данила и Ира (их фамилий я, к сожалению, не помню). Оставшиеся в живых не забудут их, будут вечно благодарны за поддержку в трудное время. Они рисковали жизнью своей и близких. В начале 1944 года многих детей вывезли в Балту, боле старших отправили в Румынию.

В Ободовке есть три могилы, где похоронены 26 тысяч жертв фашизма, жертв террора. Там не осталось ни одного еврея. Но мы помним и скорбим о безвременной кончине наших родственников, друзей, соседей.

Ни газовых камер, ни страшных печей -
С Майданеком сравнивать даже неловко.
Для массовой казни безвинных людей
Фашисты избрали село Ободовка.
Для повода – рвы и окопы копать

Из гетто евреев сюда приводили.
В трескучий мороз, за этапом – этап
Шли люди себе готовить могилы.
На скотных дворах запирали народ
Без пищи, в жестокую зимнюю стужу.
Морили несчастных три дня напролет –
И все. Здесь и газовых камер не надо.
Из Кодымы, Балты, Саврани сюда
Шли молча мойсеи, райсы, ревенки,
В пургу и мороз, за этапом – этап,
И в мерзлую землю ложились навеки.

/ Стихотворение из книги Семена Цванга «Дикий огонь» /

Сын полка

- 18 февраля 1944 года – роковой день. Вроде бы ничто не предвещало беды. И тут неожиданно нагрянул отряд полицаев. Послышался шум, мы с бабушкой успели зарыться на чердаке в солому. А отец с тетей Малей и трехлетней малышкой побежали прочь. Пули настигли их в поле, в нашем убежище были слышны выстрелы и предсмертные крики всех троих. Ночью мы похоронили их там же, в поле. Возможно папа и тетя осознанно ценной своей жизни спасли нас, увидя карателей с хутора. Никто из хозяев нас не выдал, - пишет Виктор Гехт.

...Родился он в Бучаче на Тернопольщине. Особо и порадоваться детству не было времени. Ему было девять лет, когда нагрянули фашисты. Это было 5 июля, через две недели с момента нападения на страну. Уехать успели в основном семьи партийных, военных работников. А жило там около пяти тысяч евреев, в районе – 11 тысяч.

Отец Виктора работал на заготовке зерна, мать – школьная учительница. У них был большой сад

с домом, в котором жила многочисленная родня, где-то около 50 человек. В один из первых дней появления немцев в городе его дядя побегал к соседям-полякам, им нужна была помощь. Немцы без всякого предупреждения убили его. В марте 1942 года семью Гехт выгнали на улицу, через некоторое время поместили в гетто вместе с другими евреями города. Во время первой расстрельной акции в октябре Гехты спрятались на сеновале друзей семьи. В тот день погибло 500 евреев. «Трупы лежали по всему городу. На подворье Якоба Маргулиса лежали трупы 85 грудных детей с разможенными головками. Их вырывали у матерей, убивали и сваливали в кучу», - вспоминает Виктор Гехт.

Успели они спрятаться во время второй акции на одном из хуторов у Иосифа и Варвары Заривных. В феврале 1943 года была очередная облава. Мать Виктора оказалась одна на улице, не успела вовремя вернуться, уходила на поиски пищи. Когда полицейский окликнул ее, она побежала, надеясь, что темнота ее спасет. Ее ранили в живот, «истекающую кровью отволокли в тюрьму, где она и умерла ночью в страшных муках с моим именем на устах. Все это нам рассказали те, кто был там в это время».

Тем временем городское гетто превратили в концентрационный трудовой лагерь. Работать принуждали всех, в том числе и малолетнего Виктора Гехта. «Тиф, голод, каторжный труд заставили задуматься о путях бегства», - говорит он. Тем более, по намекам охранников, концлагерь собирались ликвидировать. Гитлеровцы продолжали зверствовать. 2 февраля в Бучаче было убито 2,4 тысячи евреев, 13 апреля на горе Федор расстреляно 1250 человек, 11 и 26 июня полторы тысячи евреев.

Шли дожди, вокруг слякоть, была весна. Группа узников, в их числе Виктор и родственники, выбралась за колючую проволоку, исчезла в темноте ночи. Окрестные леса, холмистая местность надежно укрыли их от погони. Первое время они ходили в ближайшие села, выпрашивая еду, хотя

это было опасно. Летом было легче – в лесу появились ягоды, грибы. Приближалась осень. Все отощали, оборвались, обозлились. Группа распалась. Виктора, его бабушку Рейзу Гиршгорн, тетю и двоюродную сестру на одном из хуторов приютили пожилые крестьяне Заривные. Около года прятались они в сарае с двойным потолком

24 февраля 1944 года Красная Армия освободила Бучач, но части Вермахта перешли в наступление. Вместе с советскими солдатами отступала и часть жителей города. В городе Схалате им пришлось просить подаяние. Увидели такое девчата из персонала госпиталя, забрали к себе паренька, накормили. Когда войска пошли вперед, Виктор сбежал от бабушки, не желая отставать от воинской части. Медсестры подогнали под его размер гимнастерку, брюки, нашли ботинки поменьше, и наш герой стал полноправным солдатом.

- По распоряжению начальника военно-полевого госпиталя майора П.Румака меня назначили связным и посыльным. Мы продвигались на запад вместе с 3-й Гвардейской танковой армией 1-го Украинского фронта. Любая пара рук, даже детских, была здесь нужна, госпиталь работал круглыми сутками, - сообщает Виктор Гехт. Он дежурил у постелей беспомощных раненых, подавал им питье, кормил из ложечки, подносил лекарство, позже делал несложные перевязки. Успевал и отнести посуду на кухню, вынести ведра с мусором.

Госпиталь не раз подвергался обстрелу, так как следовал за передовыми частями. Они прошли Украину: города Тернополь, Перемышль, Львов, Польшу. Начальник госпиталя решил, что хватит двенадцатилетнему парню рисковать жизнью, ему нужно учиться, и послал в суворовское училище. Виктору выдали продуктовый аттестат, запасное белье, немного денег и справку, в которой указали возраст – 10 лет. Так он стал на три года моложе. Но ни одно училище в Ставрополе, Курске, Туле не хотело принимать мальчика, хотя на нем и была солдатская форма – он был совсем неграмотный.

В итоге он очутился в Даниловском детском приемнике-распределителе, оттуда его направили в Рахмановский детский дом, находившийся в деревне Ивакино Химкинского района Московской области. Здесь он окончил семь классов, затем учился в радиомеханическом техникуме и продолжил образование в МВТУ имени Н.Баумана. Трудился на крупном оборонном предприятии. В 1999 году указом Президента Украины ему была вручена медаль «Защитнику Отечества».

- С июля 1941 года еврейская жизнь в Бучаче и всей Галиции умерла и никогда, наверное, не возродится, - с грустью констатирует Виктор Гехт. О своем детстве написал книгу «Воинское звание – воспитанник».

...а сверху трупы...»

Село Вязовцы расположилось на полпути между Житомиром и Новоградом. Часть евреев пыталась выбраться к железной дороге, некоторые из них успели проскочить еще не замкнутую линию фронта, другим пришлось вернуться. Их загнали в гетто.

- В страшную морозную ночь 27 декабря 1941 года нас выгнали из гетто, - рассказывает Марк Мешок, - построили в колонну, вывели за местечко и повели в село Ягоденка. Хотя мне было всего тринадцать лет, я понял, что нас ведут, словно скот, на бойню, собираются покончить со всеми евреями окрестных селений. В суматохе я потерял мать.

С этими ямами-кладбищами я был знаком. Три месяца назад, еще до образования гетто, здесь на моих глазах были зверски убиты мой любимый отец, три его брата, пять моих двоюродных братьев. Я мог оказаться вместе с ними, но меня спас немец Николай Фричер, житель этих мест, который работал до войны рядом с отцом в Заготскоте. Он после этого не раз выручал меня, благодаря ему я жив сегодня.

Когда штыкамаи и плетками нас подогнали поближе к яме и начался расстрел, я не знал, как вести себя, искал глазами мать, но не находил ее. В этой страшной неразберихе, панике,

криках очутился в яме, сверху падали люди, но их было не так уж много, как видно последние жертвы фашистского разбоя. Полицаи присыпали канаву сверху землей, но не очень старались, спешили отпраздновать «пирову победу».

Я, придавленный трупами, понял, что жив, могу шевелиться. Когда не стало слышно голосов, все разошлись, начал освобождаться из под груза тел. С трудом вылез из под ямы и пополз по снегу. Каким образом возле меня оказалась простая украинская женщина, не знаю. Она была моей спасительницей, привела к себе, отмыла меня от крови, передела. Тогда я заметил, что у меня, тринадцатилетнего парня, поседел виски.

...Женщина (фамилии ее Марк не знает) привела мальчика к Фричеру, который работал хозяйственником при школе шуцполицаяв. Он был счастлив – встретил здесь свою маму, которую тоже спас благородный немец, он ее увел прямо из расстрельной колонны. Но угроза жизни не исчезла. Парня поймали земляки из села Очеретянка, где их семья жила до 1940 года, избили до полусмерти, но он вырвался и убежал, спрятался в ледяной воде. Юзя Павловская взяла Марка пастухом. Коровы потоптали чей-то огород, паренька начали лупить, но подоспели священник и жена заместителя начальника полиции и вырвали его из рук крестьян, спрятали в церкви, запирая его на ночь. Однажды Марка, его мать, старшего брата Леню поставили к стенке, но стреляли поперх голов. Трудно представить ощущение людей при имитации расстрела.

Затем они оказались в тюрьме города Красноармейска. В двухэтажном здании имелась комната, которую называли секретной. Туда приводили заключенных и забывали о них. Сверху в окна стекла были выбиты, дуло, а они были полураздетые, голодные. Жители поселка принесли еды, прикрыли окна фанерой. Полтора года в склепе. Еврейская семья Мешок сумела убежать из заключения. Кое-кого ранили, но они смогли выбраться из ада. Шли пока не напали

на след партизан. Там и встретили своих освободителей.

- А какова судьба вашего спасителя?

- Всю жизнь я буду благодарен тем, кто в трудную минуту, оставался человеком, помогал нам, спасал. Особенно Николаю Фричеру. Он помогал не только нам. Недалеко находился лагерь военнопленных, Николай затребовал людей для работы, подкармливал их. У него был договор с партизанами. Они приходили, связывали немца, забирали с собой наших солдат. Николай выдавал себя за жертву. Когда район заняли советские войска, Фричера арестовали. Мы пришли в суд в качестве государственных свидетелей, с нами еще был бывший военнопленный. Николая выпустили, а позже он был удостоен ордена Красной Звезды за спасение пленных.

Не перешагнули границу совести

Город Прилуки, что на Черниговщине, фашисты оккупировали через два месяца после начала войны. Энтины пытались эвакуироваться, да задержались, провожали старшего сына на фронт. По железной дороге невозможно было уехать, пришлось пойти в восточном направлении. Добыли телегу, вслед за ней шли отец Борис с женой Сурой, шестнадцатилетний сын Володя.

- Километров сорок отъехали и попали, в так называемое, Лохвицкое окружение, - пишет Владимир Энтин. – По размытым дорогам под проливным дождем вперемежку с эвакуированными двигались толпы солдат, машины, буксовавшие в грязи и подталкиваемые бойцами, на дорогах заторы. Возникла паника, крики то будоражили воздух, то стихали, чтобы через некоторое время вспыхнуть с новой силой, люди металась из стороны в сторону. Налетели немецкие самолеты, и на дороге мы видели распластанные полуживые и мертвые человеческие тела, трупы растерзанных лошадей.

Село Шевченко стало нашим последним прибежищем. Здесь

встретили мы немцев. Местные жители быстро оценили обстановку и разграбили все, что было на телегах, осталось только то, что было на себе. Вернулись в Прилуки. Всех евреев загнали на одну из улиц. Гетто в городе просуществовало с сентября 1941 года до 20 мая 1942 года. Восемь месяцев нас не снабжали продуктами, не обеспечивали топливом, кто мог добыть еду – выживал, другие умирали. В этот теплый, светлый майский день было убито 1290 евреев. Свою долю участия внесли украинские полицейские.

Недалеко от речушки Плискунивка был глубокий овраг, нацисты, полицаи заставили еще углубить его. Под усиленным конвоем, полицейские пригнали со всего района евреев, повели к месту казни. Люди держались семьями, маленьких детей родители держали на руках, кое-кто нес какие-то вещи, узлы – думали, что их переселяют, многие еле передвигали ноги.

За мостом немцы перекрыли пути отхода, отобрали группу людей, подвели ко рву, который был скрыт от остальных узников за холмом. Обреченных заставили раздеться, избивая и подгоняя палками. Многие полицаи были очень молодыми, на них подействовал плач, крики евреев, расправа с ними. Часть отказалась стрелять по людям, один из них заявил: «Я не могу и не буду!» Ребят разоружили, велели копать себе могилу. Экзекуцию вели более надежные, безразличные к страданиям жертв, полицейские. Массовое истребление продолжалось целый день.

- Они могли бы спасти свою жизнь, перешагнув границу, разделяющую человека и нечеловека, но не смогли, не захотели, - продолжает свой рассказ В.Энтин о тех, кто отказался выполнять немецкие приказы. – Они предпочли умереть людьми, чем продолжать жить с руками в крови невинных.

В пятидесятые годы эту могилу сравнивали с землей, якобы потому, что в ней покоятся полицаи. Возможно кому-то было не по душе, что они отказались убивать евреев, а может пытались позабыть сам факт уничтожения евреев в городе.

Насколько я знаю здесь было расстреляно более пяти тысяч человек.

Владимир Энтин попал в концлагерь Германии, после освобождения в советских лагерях проходил спецпроверку, работал на угольной шахте.

Место захоронения – шахты

Накануне войны в городе Артемовске Сталинской области, ныне Донецкой, жило, согласно переписи 1939 года, 5299 евреев. После окончания кровопролитной бойни – единицы. Среди погибших родные Нели Ордынцевой. Вот ее рассказ:

- 9 января 1942 года всех евреев по приказу коменданта майора фон Цобеля собрали в помещении бывшего железнодорожного НКВД, загнали в подвалы. Среди них было много детей. Три дня всех продержали без воды. Часть людей вывезли в газовых душегубках, часть - в песчаные карьеры и расстреляли. Позже повели остальных. Только после освобождения мы узнали, что с ними случилось. Более трех тысяч узников привели к выработкам алебастрового комбината и замуровали в шахте No. 46, большинство из них были евреи. Я спаслась благодаря отцу Боруху Зайдлеру. Накануне этих событий он отвел меня к маминой бабушке Евгении. Мама у меня умерла, когда мне было всего два года.

Но гетто все равно не избежали. Как-то мы вышли на рынок, чтобы приобрести что-либо из еды, нас узнал полицейский и арестовал. Какая жизнь была в концлагерях, много говорено. В один из дней 1943 года нас разделили на две колонны. Одну направили в сторону Ворошиловограда и уничтожили. Другую, где была я с бабушкой, повели на Константиновку. Мне тогда не было и восьми лет.

Дошли мы до деревни Веселая Долина. Тут советские самолеты начали бомбить. Рядом кукурузное поле. Узники стали разбегаться. Немцы вначале сами перепугались, потом кинулись в погоню. Они были с овчарками. Кого-то догнали, но многие сумели убежать. Мы спрятались в высокой

кукурузе. Когда немного успокоилось, беглецы стали из кукурузных стеблей сооружать нечто вроде шалашей. В начале сентября на нас вышли красноармейцы-разведчики. «Сидите пока тихо. По красным ракетам увидите, что город освобожден». Дождались все-таки!

Люди начали искать, куда фашисты девали столько людей, узников гетто. Нашли: большая шахта около 1000 квадратных метров была полна трупами. Вот дети прижались к согнутым коленям матерей, другие скрючились, у большинства были раскрыты рты - задохнулись. Около тысячи человек было опознано родственниками. Многие трупы мумифицировались. Бабушка Евгения узнала только мать отца, вторую бабушку Нели – Рахель. Самого отца так и не обнаружили. Теперь на этом месте стоит обелиск.

Чехи спасли

Наум Котлик работал на Харьковском электромеханическом заводе слесарем-электриком. В первый же день войны призвали в армию. Его жена Лидия была вольнонаемной медсестрой в госпитале. Дети – Лариса – 1937 года рождения и Вадим, на год младше сестры, оставались с дедушкой Иохимом, у которого был частный дом. Пришли немцы, по городу прошли слухи, что всех евреев уничтожат. Они стали прятаться в погребе. Но соседи стали показывать захватчикам, что в этом доме находятся евреи. Хорошо, что к тому времени у них разместились чешские солдаты, которые охраняли предприятия. Они сказали немцам, что разберутся с жильцами дома, а ребятам и дедушке пообещали, что их никто не тронет, пока они живут у них.

Лариса Вишельская (Котлик) рассказывает, что через их двор дорога вела к кухне, по которой сновали фашисты. «Мы затаивались, когда они шли питаться, сидели как мыши в норе. Беда миновала наш дом. Мы находились под опекой чехов и выжили. Но в городе Лубны погибло 13 наших родственников, которые не смогли эвакуироваться. Дождались

папу с мамой, они вернулись с фронта с наградами».

Нелегко представить, как маленькой четырехлетней девчужке и трехлетнему ее брату пробыть три года в темноте, выходя иногда по ночам из подвала в дом, но никогда на улицу, не имея друзей, без общения, кроме своего дедушки.

- Закончила школу, институт в Харькове, работала инженер-строителем. В 2000 году репатрировалась в Израиль, где до моего приезда жили младшая сестра с семьей и мой сын.

/Справка. В 1939 году в городе Харькове проживало 130250 евреев (15,64 %)/.

Ах, Одесса!

Не до евреев было Советской власти, когда когда немецкие войска уверенно продвигались на восток от всей западной границы СССР. Защита города не выдержала, 16 октября части советской армии покинули Одессу, отошли на заранее подготовленные рубежи, как тогда объявляли по радио. Более половины еврейского населения не эвакуировалось по разным причинам.

- Не успели, - говорит сегодня Фаина Свечник, - думали, что такой важный морской порт наши не отдадут. Город очень сильно бомбили, обстреливали из артиллерии. Когда немцы пришли, нас выбросили на улицу. Загнали в школу в районе Слободки, где мы переночевали одну ночь, потом отвели в тюрьму. Кухать, пить не давали. Так продержали несколько дней, видно создавали гетто, куда нас затем пригнали. Шли пешком два дня. Люди были очень усталые, ведь нас не кормили. Тех, кто не мог идти, пристреливали. Трупы никто не хоронил, оставались лежать на дороге, или их сбрасывали на обочину.

...Эту группу затолкали в вагоны и привезли в Домановку, где-то в 150 километрах от Одессы. Здесь их уже начали кормить: давали одну чайную ложку масла и 100 грамм муки на человека. Узники-жестянщики сделали кое-какую посуду, подобие кастрюли, в ней люди варили из того, что им

предоставили, суп-жижицу. «У нас ее называли «жондра».

- После такой «обильной» пищи нас гнали на работу в поле. Иногда был и праздник – удавалось возле столовой охранников найти кожуру от картошки и чем-то более сытным наполнить желудок. Летом употребляли траву, правда в районе концлагеря ее невозможно было найти, только когда посылали за его пределы. Я видела не раз, как падали в изнеможении люди, умирали от голода, холода, свирепствовали болезни – ни врачей, ни лекарства. Трупы ложили на подводы и увозили куда-то. Всем было трудно, но мы держались.

Румыны тоже были всякие, одни набрасывались на нас, как собаки, другие жалели. Мы обратились к одному, который не очень гонял узников, попросили, чтобы отпустил хотя бы за едой. Он подсказал, чтобы шли в деревню Балеево, там есть хорошие люди. Постучали в одну из крестьянских изб, нам открыли, пустили в дом. Я с сестрой жила у одних, отец, мать и младший братишка - у других. Прятались на чердаке, из избы не выходили, всякие люди и в этой деревушке были, могли немцам, румынам или местным приспешникам выдать. Только, когда становилось слишком голодно, выбирались на улицу, но натягивали на голову платок так, чтобы видны были одни глаза. И то иногда слышали от местных: «Вон жида идут». Ничего удивительно, они своих знали наперечет.

...Из одного дома выбралась крестьянская семья, куда-то уехала, он пустовал. Семья Свечник в полном составе перебралась в избу. Топить печь, чтобы обогреться, боялись. Каждый неосторожный шаг мог обернуться бедой. В этом помещении они и дождались освобождения. Почти три года под немецкой оккупацией казались вечностью. У Фаины остались живы отец Яков, мама Клара, брат Сеня (1928 г.р.), сестра Мара (1930 г.р.) и она, которой вначале войны было 16 лет. Но на фронтах Великой Отечественной войны погибли старшие братья Абраша и Иосиф, которые были призваны в армию в 1941 году.

В катакомбах

Военврач Мойше Гольфман в первый день войны был направлен в Николаевский военный госпиталь. В Одессе остались жена Лидия Мациевская, дочери: трехлетняя Вита и меньшая Оля, она родилась 16 июля 1940 года, ей еще не исполнилось и года. Мать девочек тоже была врачом и не могла уехать – она работала, и по заданию горкома партии должна была остаться в подпольи. (Был ли смысл рисковать маленькими детьми? Но партия велела...)

Немцы захватили город, часть бойцов, а также заранее подготовленные люди, ушли в катакомбы. Лидию направили врачом, вместе с нею под землю спустились и дочери. Когда-то в этих подземных галереях прятались беглые от феодалов, разбойники и бандиты. Сейчас здесь был создан госпиталь, работала школа, ясли.

- Кормили все время затирухой и мамалыгой (каша из кукурузной муки), - рассказывает Ольга Мациевская. – Руководители поддерживали постоянную связь с подпольем в городе и партизанами. Через ходы сообщения передавалось оружие, продукты, письма, новости, указания. Это теперь не столько мои воспоминания, как мои заключения по рассказам моих родных, знакомых. Нацисты догадывались, что из катакомб совершаются вылазки, проводятся диверсии. Они старались перекрыть все выходы, но не знали сколько их и где они находятся.

Во многих местах были узкие проходы. Когда более широкие немцы разрушили, пришлось пользоваться другими. Нам, детям, завязывали на спину то, что необходимо было передать: мины, пистолеты, что-то из продуктов. Что там в мешочках, мы толком тогда сами не знали. Нам рассказывали о дороге, в какой отсек отнести, где обычно уже ждали передачи. Был и у меня, двухлетней, маленький мешочек, я позла с ним и не отставала от больших ребят. Конечно, мой груз был легким, какие-то бумаги. Иногда нужно было преодолеть совсем узкое место, где только я могла пролезть. Мне говорили: там

мама, ползи. Страха не было, просто не понимала, что это такое. Ползла, передавала послание и возвращалась к нашей компании.

Спрашивала только: «А где же моя мама? Я ее не нашла». Но вскоре она появлялась. Я бросалась ей на шею и говорила, что искала ее.

В 1942 году гитлеровцы решили расправиться с нами, надоели им частые налеты на их объекты. Попытались было сунуться, но развернуться с техникой и большим количеством солдат было невозможно, небольшими группами не получалось – все хорошо простреливалось. Пытались бомбить, взрывать, но не могли рассчитать места дислокации в катакомбах. Тогда они пустили газ. Руководители подполья отдали приказ: вывести женщин и детей наверх.

Мама осталась внизу – в ней нуждались, а меня и сестру отдали в руки разных местных семей. У меня были светлые пшеничные кудри. Женщина Мария, которая согласилась приютить меня, имела своих трех детей. У них тоже был такой цвет волос. Старались все предусмотреть, чтобы фашисты ничего не заподозрили. Причем руководители подполья предупредили берущих об ответственности, сказали: не сохраните этих деток, своими рассчитаетесь.

То ли немцы догадались, то ли кто-то заложил, но они поняли, что дети где-то скрываются, и стали ходить по квартирам. Узнала об этом Мария и спрашивает у меня: «Если у тебя захотят узнать, где твоя мама, что ты скажешь?» Я пальцем показываю на пол: там. Женщина рассерчала на меня: «Тогда нас вместе и убьют!»

Стала учить, чтобы называла ее мамой. Потом взяла и выбрила мне брови – слишком густые были, еврейские.

Вскоре нацисты вместе с полицией появились на окраине Одессы, где жили дети подземелья.

- Во ист дайне мутер? – стали спрашивать у всех детишек. Тут же нам перевели вопрос. Мы показали на тетю Марию. С ней и ее малышами прожила до прихода наших, до

освобождения Одессы.

Сестра в это время находилась в другой семье, но я не знала где. Однажды она ходила, ходила и ушла далеко от дома, где ей предоставили кров. Бедная женщина бросилась искать, но не нашла ее. Она в катакомбы к маме:

- Прости меня, старую, не уберегла дитяти, пропала она. Стреляй в меня!

Когда красноармейцы вошли в город, за мной пришла мама, мы стояли и смотрели, как идет пехота, гремят гусеницами танки. Это было 10 апреля 1944 года. Какие там цветы? Весна только начиналась. Мы им ничего не дарили. Это они нам давали в руки хлеб, сухари, банки консервов.

Увидела я одного солдата небольшого роста, решила, что он мой отец, на самом деле он был высокий, закричала: «Папа! Папа!». Он взял меня на руки, пронес немного. А в это время из какой-то ямы выбралась моя сестра Вита. Тоже захотелось хлеба. Я с мамой ее увидели. Было столько радости от нашей встречи.

Отец вернулся с фронта на костылях. Мама не могла больше жить в Одессе, слишком печальные картины мелькали в ее голове. Мы едем в Херсон, где папа работает главврачом областного кожного диспансера, мать – по своей специальности.

Пошла я в школу. Все приносят из дому кусочки хлеба, а я мамалыгу. Учительница говорит: «Возьми у меня кусочек булочки», я отказалась. Целый год не могла есть хлеб, только мамалыгу.

...Ольга закончила школу, стал вопрос о поступлении в институт. Директор школы говорит родителям: «Оценки у вашей дочери хорошие, но с ее фамилией могут быть трудности при сдаче вступительных экзаменов». Девушка перешла на фамилию матери. Была Гольфман, стала Мациевская. Так и до сих пор. Ей поменяли паспорт, аттестат зрелости, взамен «утерянных». Стала Оля студенткой Одесского медицинского института. Там же высшее

образование получила и Вита.

- В нашей семье шестое поколение врачей-дерматовенерологов-косметологов: моя дочь врач, ее муж тоже, оба работают в Нагари, внук тоже пошел по нашим стопам, учится в университете на медицинском факультете. В Израиль мы приехали в 1998 году. Сестра Вита осталась в Херсоне.

- А в катакомбах в мирное время вы бывали? - спросил я.

- Я с дочерью Ирой приехала из Херсона в Одессу, когда ей было около пятнадцати лет. Она увидела объявление об экскурсии в катакомбы. «Мама, давай пойдем». Собралась группа и нас повели в поземелье. У входа гид спросила всех, бывал ли кто-нибудь ранее в катакомбах. Все промолчали, я тоже. Нам дали свечи, мы зажгли их. Прошли вглубь. В сторону уходили узкие проходы. Мое волнение стало нарастать. Экскурсовод рассказывала, что здесь происходило, затем говорит: «А сейчас мы все потушим свечи. Вы видите в какой темноте жили подпольщики?» Ноги у меня сами по себе подкосились, и я брякнулась без сознания. Хорошо, что вокруг были люди, поддержали меня, напоили водой. Мне, конечно, выговорили, почему не предупредила, что находилась в катакомбах в годы войны. Ту жизнь без боли вспоминать тяжело, хотя я была совсем крохой.

« Мама, расскажи...»

- Немцы евреев убивали? Всех? И мы спаслись? Откуда они знали, кто еврей? Расскажи мама.

- В другой раз, сынок.

- А мы в школе как раз проходим про войну.

- Володя, ты спрашиваешь, как распознавали евреев? В городе были не только немцы, но немало предателей-украинцев. Осталось часть архивов, где указаны и адреса, и национальность. Евреев заставили носить на рукавах белые материи с шестиконечной звездой – это символ евреев. Их зарегистрировали, заставили трудиться на разных работах,

не платя ничего, не давая продуктов. Где-то через месяц евреев собрали и расстреляли.

- Нас не трогали потому, что ты русская?

- Может быть сначала и так, но потом и таких, как я, ты и твой брат убивали.

... Сейчас Владимир Поддубный живет в Хайфе. Он рассказывает:

- В начале войны я был грудным ребенком, моему брату Виктору исполнилось три года. Мама, Ксения Поддубная была замужем за евреем Борисом Кейсерманом, нашим отцом. Документы о замужестве она спрятала, мы стали носить ее фамилию. Эвакуация не получилась, так как отец перед нашим отъездом был неожиданно отправлен вместе с оборудованием Николаевского кораблестроительного завода в тыл страны. Он не успел даже забежать домой.

Чтобы нас не схватили, мы прятались. Вначале в подвале, на двери снаружи повесили большой амбарный замок, выбирались через небольшое окошко, приходилось выползать. Мама рассказала, что, когда немцы пришли, начались облавы, всех выгоняли во двор, выстраивали в шеренгу, производили осмотр, проверку документов. Однажды случайно попали в такую переделку, повезло то, что мы были светловолосые, в маму. Но она боялась, что кто-либо из соседей может выдать нас. Она стала искать другое жилье, где бы нас никто не знал.

За годы войны мы меняли семь мест. Чтобы не умереть с голоду, мать устроилась дворником. На той улице, где она подметала, находилась немецкая столовая. Отходы, которые выбрасывались, мама перебирала и приносила нам. Запомнилось несколько случаев, о которых нам в школьные годы сообщила мать.

Меня похитили. Мне было уже больше годика. Я и Виктор сидели дома, вдруг он истерически закричал, схватил меня и потащил на улицу. Оказывается он увидел двух огромных крыс, которые с подоконника спускались в комнату. Когда мы оказались на улице, мимо проходил немец, он неожиданно

схватил меня, оттолкнул моего брата, который уцепился за мою рубашку, и пошел в сторону вокзала. Хорошо, что это видела соседка, она забрала Виктора и поспешила предупредить о случившемся маму. Узнав направление, в котором повел меня немец, она бросилась в погоню. Выглядела в тот момент как безумная. Мама успела вовремя. Увидев меня у него на руках, бросилась ему в ноги, стала рыдая умолять вернуть мальчишку. Солдат пытался оттолкнуть ногами ее, хотел войти в вагон, но она продолжала удерживать его ноги. Тут произошло чудо. На ступеньках вагона стоял немецкий офицер, наблюдал за происходящим. Он что-то крикнул солдату, тот со злостью бросил меня на маму. А вот другой случай.

Мы переехали в другое место. Мама ушла на работу, я с Виктором играли в маленьком дворике. Открылась калитка, в нее зашел гитлеровец, сел на скамейку, достал новую одежду и стал переодеваться. Мы боялись двинуться с места, стояли как статуи. Солдат полез в рюкзак, стал в нем копаться, достал поллитровую баночку с джемом и протянул ее нам. Виктор взял ее и снова замер. Когда немец ушел, сбежались соседи, видевшие эту картину. Оказывается баночка была разбита, стекло попало внутрь ее. Пришла мама, очистила от стеклышек джем. У нас был праздник, съели мы этот подарок с аппетитом.

Мы тоже вели войну с фашистами. Дело было в конце войны. Я подрос, бегал с другими ребятами по двору. Вскарabalся с ними по лестнице на чердак. Отсюда хорошо просматривалась улица, по которой иногда проходили немцы. Ребятам постарше пришла в голову идея бросать кусками разбитого шифера, которым была покрыта крыша, в гитлеровцев. Увидим, когда они близко, и дружно камешки на их головы бросаем. О последствиях никто не думал – ведь мы герои. Идут двое, стали в них метать шифер. Те обозлились, сняли автоматы и стрелять. Лестницу, что вела на крышу, хлопцы предусмотрительно убрали наверх. Один

немец встал на плечи другого и поливает нас свинцом. Мы залегли. Они могли бы расправиться с нами, но как видно спешили, продолжили свой путь.

В Николаев вошли части Красной Армии, в плен сдалось много немцев. Судили только эсесовцев и полицейских. Некоторых вешали прямо на площади. Ребята с нашего и соседнего дворов, я с братом, брали дубинки и, разбившись на две группы, бежали бить повешенных. Одна группа отвлекала внимание охраны, другая колотила по этим мертвым телам. Это была наша месть за наше тяжелое военное детство, за прожитые годы в неволе.

Путешествие по странам

Из Симферополя Родиновы выбрались вовремя. Отец Павел отвез их – жену Александру Куцер, шестилетнюю Людмилу, четырехлетнего Володю и годовалого Валерия в село Мангуш (Прохладное) Бахчисарайского района. Румыны, появившиеся в селении, заняли одну его половину, во второй некоторое время оставались партизаны. Семья Родиновых оказалась как раз в румынской зоне. Бежать дальше было невозможно. Всех мужчин старше 14 лет отобрали, вывезли и расстреляли. Остальных заставляли копать окопы, выполнять другие работы.

- После захвата войсками Вермахта Севастополя нас перегнали в Балаклаву, - говорит Владимир Родинов. – Поместили всех в катакомбы, устранив всякую возможность побега. Там сырость, голод, нас постоянно преследовали простудные заболевания, брюшной тиф. Вести о наступлении Красной Армии каким-то образом доходили до нас, мы ждали ее с большим нетерпением. Но 5 мая 1944 года за четыре дня до освобождения Севастополя нас погрузили на баржу и отвезли в Констанцу (Румыния). Оттуда в концентрационные лагеря Австрии, потом Германии –Альтенверде.

Мать работала в столовой, а сестра Людмила и я, ей уже было девять лет, мне – семь, трудились в доме бургомистра.

Так продолжалось около года. Один факт из нашей жизни: малолетний Валерий взял на кухне кусочек хлеба. Увидел капитан-эсесовец, так избил его, что он долго плакал, никак не мог успокоиться. 27 апреля 1945 года американские войска освободили нас. Домой в Крым мы добрались лишь к осени. Моему отцу сказали, что баржа, на которой нас везли из Севастополя, затонула вместе с людьми. Он женился на другой женщине.

Владимир Родинов живет в Хайфе. Принимает активное участие в жизни города, в комитете общества «Уцелевшие в концлагерях и гетто».

Русская выдала, немец спас

Таких, как Любовь Гутцайт, называют не узиками Холокоста, а приравненными к ним. В обычном селе жили люди разных национальностей. Полюбил еврей Хаим украинку Аню, родилась у них прекрасная дочь Любушка. Их счастливые дни были прерваны войной. 24 июня отца призвали в армию. Аня расстерялась, не знала что делать. Рядом в том же селе Чапаевка Советского района Крыма жили ее родители, вот она с Любой и перебралась к ним.

С ними жила и семнадцатилетняя мамина сестра Вера. Старики прятали детей на чердаке. Старшую, когда та собиралась пройтись, размять ноги, поговорить с подругами, замазывали лицо сажей, на голову одевали платок, чтобы оставались видны только глаза. Однажды едва успела Вера выйти на улицу, как ее тут же схватили немцы и отправили в Германию.

- До войны у нашей семьи были хорошие отношения со всеми односельчанами. Когда пришли немцы, все изменилось, куда делось добрососедство, не знаю, - сокрушенно вздыхает Любовь Гутцайт. – У людей все перевернулось. Выдали соседи, что в доме находится жидовское дитя – мне было шесть лет. Зашли фашисты, хотели забрать, но мама крепко обняла меня и не отпускала. Немцы схватили нас обоих,

отвели и посадили в амбар. Ночь просидели там. Мама потом рассказывала, что за все время не сомкнула глаз, решила что нас расстреляют. Едва услышала скрип открываемых ворот, вся задрожала. Солдат распахнул двери, сказал на немецком, чтобы выходили. «Все, конец», - решила мама. - Nach Hause! – крикнул он.

Мы не верили в чудо, но скорее зашагали к дому бабушки и дедушки. Недалеко от нас жил полицай. Он зашел, спросил, как наши дела. А что могли сказать перепуганные мать и малая дочь? Промолчали.

- Скажите мне спасибо. Это я попросил освободить вас.

У маминых родителей была корова и теленок, так этот малыш забрался в вишневый сад, где была трава получше, но росла она во дворе комендатуры, раньше там была контора колхоза. Я вышла искать теленка, а мне навстречу девица, что работала у немцев. Увидела меня, схватила за ухо и привела в комендатуру. За столом немец. Она что-то стала говорить, я поняла только одно слово – юде, так как оно было в обиходе в те годы. Немец махнул ей рукой, чтобы уходила, а сам сидит и внимательно вглядывается в меня. Моя душонка в пятках. Хоть малая, но слышала, что всех евреев из соседних сел убили. Даже видела, как их вели мимо нас к ямам, образовавшимся после обстрелов. К дороге вышло много стариков, женщин. Кто-то злорадствовал, кто-то жалел, протягивал узникам кусочек хлеба. Одна крестьянка брякнула, что всех жидов нужно убить. Мама схватила меня, увела в дом, сказала: «Если умирать, то вместе»...

Немец, скорее всего это был какой-то офицер, подозвал мизинцем меня к себе, полез в карман. Наверное за револьвером, - подумала я. Он достает плитку шоколада и дает мне. Стал говорить что-то, я не поняла.

- Иди, иди! – произнес гитлеровец по русски, махнув рукой в сторону дверей

Гораздо позже, воспроизведя в голове события тех дней, поняла, что у этого человека наверное были малые дети,

поэтому он и пожалел меня. Почему же русская девка выдала меня, а немец ничего не сделал, даровал мне жизнь? Я ее встретила, когда после окончания техникума работала агрономом в одном из сел Крыма. Но связываться с мразью не хотелось, дала ей понять, что узнала. Через небольшой промежуток времени она исчезла. Слышала позже, что она находилась в горящем доме и, что те руки, которые держали меня, у нее обгорели. По заслугам.

Любовь Гутцайт долгие годы работала агрономом, завоевав почет и уважение людей. Сейчас живет в Хайфе.

Встреча не состоялась

Собрались бывшие узники поздравить юбиляров. Таких было около десяти человек. Меня попросили сказать о каждом что-нибудь из их жизни в оккупации, так как с некоторыми был уже знаком, другим нужно было заранее позвонить. Среди них был и Яков Гольдман. Голос его часто прерывался, все же кое-что он мне смог рассказать. В тот день, когда все собрались в помещении, оказалось, что сердце восьмидесятилетнего Якова не выдержало, очень много в жизни пришлось пережить. Умер за день до торжества, но его рассказ о событиях, испытаниях тяжелых дней войны остался.

- Мы жили в одном из еврейских колхозов «Новая заря» на Днепропетровщине. В июле 1941 года пришли немцы, а в сентябре отобрали 47 человек и расстреляли. Среди них был мой отец Гиршул. Рассправились позже и с остальными. Случилось это в начале 1942 года. Забрали всех, в том числе мать Рохл, двух сестер Хайку - 22 г.р., Бусю - 26 г.р., отправили в концентрационный лагерь «Широкое». Я в это время пас скот вместе с семьей Николая Бурлаченко, моего однолетки. Он мне тихонько сказал:

- Яша, беги! Если сегодня вернешься домой, то завтра и тебя убьют.

...Куда бежать, где прятаться? Несколько дней он блуждал

в окрестностях села, места были знакомы. Мучило незнание, что же с родными. Якову рассказали, куда их увезли – в концлагерь «Широкое», решил пойти туда, чтобы узнать судьбу близких. Нашел их. Особого облегчения не испытал. Немцы, полицейские гоняли их на строительство трассы. Двенадцатилетний паренек трудился наравне со всеми: носил на носилках песок и ссыпал на строящуюся дорогу. Жили в конюшне, еда была мизерная, ходили постоянно голодными, началась эпидемия тифа, которая ежедневно косила все новых людей. Заболели обе сестры Якова.

- Фашисты в очередной раз отобрали около тридцати человек, в эту группу попали моя мама и я, сказали, что перевозят в другое место. Повезли на машине с прицепом. В этот прицеп и поместили нас. Наверное убивать, - решил я. – «Мама, я должен бежать». Было лето. Ехали мы мимо полей с подсолнухами. Прицеп был закрыт решетчатой будкой. Я разделся, чтобы попытаться пролезть через небольшое отверстие решетки. Протиснул с трудом свое исхудавшее тело, спрыгнул с машины, сразу забрался в росшие за дорогой подсолнухи, никто из фрицев меня не заметил. Мать догадалась выбросить следом мои шмотки.

...И снова у него в голове все тот же вопрос: куда податься? Прятался в соломе, за едой заходил в села, кто помогал краюхой хлеба, луковицей, кто гнал от себя. Зашел Яша в один из крестьянских домов, а там полицай – здоровый детина.

- Вот тебя мы давно разыскиваем.

Хозяйка, как видно его сожительница, набросилась на полицейского:

- Если ты только тронешь пацана, в мой дом дорога будет закрыта.

Она дала пареньку кусок хлеба, пару яиц, шепнула, чтобы уходил из этой деревни. Во время скитаний встретил Яша знакомого юношу Йоську, который был немного постарше. Он убежал из концлагеря раньше. Вместе стало веселее, легче скрываться, добывать еду. Один заходил в избу, другой

был на стреме.

Где-то усыпили бдительность и однажды напоролись на полицейского-литовца. Он схватил за руку Йоську, пригрозил Якову, что если попытается удрать – пристрелит. Когда он вел их в комендатуру, Йоська вырвался, начал убежать. Немецкий прихвостень открыл пальбу, убил паренька. Но эти мгновения использовал Яша, забежал за угол дома, оттуда в огороды и в лес. Снова ночевки среди кукурузных стеблей, в соломе. Так он уже совсем обессиленный попал в Криворожский район, хутор Матроновка. В сумерках постучал в один из домов, открыла двери женщина. Попросил накормить его.

- Куда ж ты, дитя, пойдешь? Оставайся у нас.

Якова приютили Гарпина Пустогар и ее муж Костя Письменный. Целый месяц они скрывали его в подпольи. Дождался он прихода Красной Армии. Эта война принесла много горя людям. Погибли отец, мать, двое сестер Якова Гольдмана. Из всего села, где он родился, осталось в живых двое евреев: он и комбайнер. (Фамилию я не успел уточнить). А всего в районе было убито более 950 евреев.

По лагерям и гетто

- Помню яркий солнечный день. На нашей улице все стекла разбиты, осколки хрустят под ногами. Мы жили в Пскове напротив тюрьмы. Двери ее распахнуты, куда подевались все заключенные, может отпустили, может перевезли куда-то – не знаю. Мы, дети, могли свободно туда войти. Немцы захватили город на 16-й день войны. Отец мой, Самуил Мамиофе, работал служащим госбанка в Пскове. Управляющий собрал важные документы и уехал, оставив отца охранять ценности, деньги, бумаги, которые были упакованы в мешки и стояли в подвале банка.

Мама Ирена, полька, умоляла его бросить все и уезжать подальше от беды, но отец боялся, что его могут потом привлечь к ответственности. Его в 1939 году уже забирали,

кто-то оклеветал, правда просидел он недолго.

Пришли немцы, всех евреев согнали в помещение, а меня мама прятала вначале дома, отец скрывался в окопах, поздними вечерами приходил взять что-нибудь из еды. Но соседи выдали его. Фашисты схватили еще несколько мужчин, повели на площадь, провели показательную казнь при стечении большого количества псковитян и охраны. Это было 3 августа 1941 года.

...Регина Галаева (Мамиофе) прерывает свой рассказ. Воспоминания нелегкие, пусть прошли десятки лет. Боясь любого жителя, она перебирается к друзьям родителей, но когда началась облава, мать снова забирает ее к себе, прячет в чулане. Ей удалось приобрести документы, где Регину записали на девичью фамилию матери. Но все это не помогло, их, вместе с другими смешанными семьями, арестовали и отправили в Псковский концлагерь.

Немецкие войска недолго оккупировали территорию Российской Федерации. Поэтому заключенных перевели в концлагерь Саласпилс, а в конце 1943 года Регину с мамой переместили в другое место – концлагерь Петцери, там же в Эстонии. Девочку, ей в том году было девять лет, остригли налысо, чтобы черные кудри не смущали фрицев, не вызывали у них подозрений.

- Мама работала в прачечной, мы, дети, помогали развешивать белье. Боясь за своих малышек, родители брали их с собой на работу. Я простыла, одежды теплой не было, долгое время кашляла, но лечить было некому. Ходили голодными, иногда местные жители бросали нам немного хлеба.

Городок освободили в конце августа 1944 года. Мы вернулись в Псков. Дом был разбит. Мы пришли на осмотр к врачу-фтизиатру Евгении Фридман. Только тогда выяснили, что у меня туберкулез. Врач меня взяла к себе. Я ей очень благодарна за сердечность, за уход, за еду, какую давно уже не пробовала.

Регина Галаева закончила училище, педагогический институт. Долгие годы работала учительницей истории в школе. В 2007 году репатриировалась в Израиль.

Не брезговали лебедой

Есть евреи, которые не попали ни в гетто, ни в концлагеря, но их судьба была тоже не из легких. И им грозила опасность, над ними висел дамоклов меч – смерть. Семья Фрейдиновых обосновалась в городе Поньри Курской области. Отца Наума в первые дни войны призвали в Красную Армию, мать Елена работала в снабжении, обеспечивая солдат продовольствием. Она беспокоилась за детей, а их у нее было трое: Вениамин – 1939, Лия – 1931, Галя – 1934 года рождения, просила отправить их в тыл. Пообещали, что эвакуируют, но помогли только в последний час, когда немцы были рядом. Дали подводу, мать посадила на нее детей, собрала кой-какие вещи, и они двинулись в путь. Немцы по пятам.

- Вы куда направились? В немецкую часть? – спросили их встречные крестьяне.

- Пришлось нам вернуться, - с печалью в голосе говорит Галина Вобликова (Фрейдинова). – В нашу квартиру нас не пустили. Разрешили обосноваться на кухне. Мы все дрожали от страха. В городе почти евреев не было. Однажды мама услышала, как немцы между собой толкуют, что завтра должны забрать этих «юде», отправить в душегубку. Было это в январе 1942 года, зима, снег - по крышу. Собрала она вещички в узелок, детей и выходить из дома. А тут немец выставил вперед руки, как бы спрашивает: «Куда идете?» - Тряпки на хлеб менять.

Он ничего не сказал. Мать оставила меня вместе с няней Марией Алексеевой в какой-то квартире, ушла с детьми в деревню, километров за семь, они бродяжничали, просили еду. Мама меняла вещи, работала у некоторых за миску мякины. Лесами, болотами дошли до деревни Фентисово.

Я бы умерла с голода, если бы не няня да не этот немец

Отто, живший на постое. Он шесть месяцев подкармливал меня, приносил хлеба, иногда шоколадку, маме - мыло. Я его запомнила на всю жизнь. Но были гады, они меня допрашивали, куда делась мама с детьми, избивали. На кухне стояла кровать и большой стол. Я забиралась под него и молчала, но доставалось и там. Кованые ботинки фашистов попадали в разные части тела. Побьют и уходят. Они установили за мной слежку, решили, что пойду искать своих родных. Выходить из дому было боязно, детишки дразнили жидовкой. Не раз выручала няня, отводя к незнакомым русским женщинам.

Иногда Отто брал меня на руки, гладил по волосам. У него была козлиная борода, я хваталась за нее и говорила: «Козел, бе-е». Он не понимал, а может быть делал только вид, что не соображает. Летом пришли меня навестить брат с сестрой, переночевали. Подошел Отто, говорит, помогая руками: - У Гали матка есть? Галя – век! Галю – пу.

Мы сразу ушли в деревню к маме. Увидела ее, прыгнула прямо на шею. Она стоит бледная, одновременно черная, как смерть. Но немцы обнаружили нас в Фентисово, отправили нас в районный центр Золотухино. Староста Григорий (фамилию не помню, тогда не до того было) спас нас, семью зарегистрировали, выдали документ. Мы поселились у одной женщины, но недолго, она нас выгнала. Опять на выручку пришел староста, забрал к себе, посадил за стол, налил большую миску молока, покрошил туда хлеб, дал ложки. Самая вкусная была еда.

Затем Григорий повел к женщине Фене, у которой было двое детей, жила она очень бедно, но относилась к нам с добрым сердцем. Все мы, дети, спали на печи. Днем старались не выходить на улицу. Мой брат Веня опух от голода. В поисках пищи он вышел в город. За ним погнался полицейский, Веня вскочил в дом, запрыгнул на печь. Полицай стал тащить мальчика за ноги. Его бы точно убили, только благодаря пришедшей монашке, этот гад оставил свою затею.

...Летом Фрейдиновым стало легче, не брезговали лебедой, коноплей, был небольшой огородик, посеяли картошку. Пришло освобождение и в эти края. Жили в Золотухино. Дети пошли учиться, Галя в первый класс, ей уже было 9 лет.

- Я всегда в своем сердце ношу память о няне Марие Алексеевой, о немце Отто. Благодаря им я жива. После прихода наших войск, по железной дороге мимо Золотухино провозили немецких пленных. Я бегала к вокзалу в надежде встретить Отто, хотела заступиться за него, выручить, ведь он спасал меня, но не увидела его. Я закончила педагогический институт, долгие годы работала учительницей, - завершает свои воспоминания Галя Вобликова..

«Я - счастливый человек»

Виктор Гин (Гинзбург) родился в Гомеле. Родители работали в школе: отец Борис преподавал математику, мать – немецкий язык. Вскоре после рождения паренька отца направили директором школы в Западную Белоруссию, город Белосток. Вместе с ними поехала мать с детьми. Накануне войны Борис Гинзбург был вызван в Ленинград на совещание.

Грянула война. «Мама, я и брат (мне было 2 года, брату – четыре) стали пробиваться к родным в Гомель. Это «пробивание» затянулось на полгода и, когда мы появились в городе, там уже переписали всех евреев (многие к тому времени были уничтожены – Д.Ф.), - сообщил в интервью Виктор Гин. - Мама моя бежала с нами на вокзал и, пользуясь хорошим немецким, уговорила коменданта товарного состава с лошадьми взять нас в поезд. Таким образом, мы удрали от верной смерти».

Гибель от фашисткой напасти грозила им еще довольно долго. Гинзбурги обосновались в городе Орел. Приходилось постоянно скрываться, идти на разные ухищрения, чтобы добывать пищу. Вся тяжесть этих лет под оккупацией легла на плечи матери. После освобождения Гомеля вернулись

домой. Многочисленная родня, не сумевшая эвакуироваться, была расстреляна гитлеровцами. Здесь их разыскал отец, которого они считали погибшим. Семья переезжает в Ленинград.

Виктор заканчивает финансово-экономический институт, также филфак университета, работает инженером-экономистом, параллельно преподает литературу в одном из вузов города.

Но парня тянуло к поэзии, еще в школьные годы писал стихи, которые находили место в журналах «Юность», «Нева», «Смена», в «Дне поэзии» и т.д. «В 1968 году в психбольницу посадили близкого друга поэта Николая Данилова. 12 его друзей, в том числе и я, были вызваны в КГБ, прошли по его процессу. Я, очевидно, попал в «черный список», так как был выкинут из всех изданий».

Виктор Гин (под этой сокращенной фамилией печатал свои стихи) стал посещать секцию песни Союза композиторов, где познакомился со студентом косерватории Владимиром Мигулей. Он написал музыку и предложил сочинить к ним стихи. Тема матери была близка и дорога Виктору. Появилась песня «Поговори со мною, мама», которую взяла в свой

репертуар Валентина Толкунова.

Поэт сотрудничал со многими композиторами, много песен написано с талантливым композитором Александром Морозовым: «Зорька алая», «Наливное яблочко» и др. Ансамбль Советской Армии исполнял песню на его стихи «Родная страна». «На более чем 80 пластинках вышло около 500 моих произведений», - говорит поэт. На сценах театров России шел и идет детский мюзикл «Брысь, или история кота Филофея». Виктор Гин автор пьес «Испытание мага», «Королевство Прекрасных дам», либретто к опере «Амок» для Мариинского театра Ленинграда.

В начале 90 годов Виктор Гин приехал в Израиль. Член Союзов писателей России и Израиля выступал с авторским концертами в Англии, Германии, Америке, конечно, в нашей стране, на прежней родине.

«Песни мои исполняли практически все ведущие мастера российской эстрады», - с гордостью сообщает поэт. «Я - счастливый человек».

Между жизнью и смертью

У людей есть великая миссия: не забывать про Холокост. Вторая задача: делать все, чтобы страшные уроки жизни не повторились. Важно не только помнить, но и рассказывать будущим потомкам всего мира о том, что было и как было. Уроки прошлого должны стать отрезвляющей преградой на пути любой агрессии. Жизнь дана человеку, чтобы радоваться, смеяться, творить, любить и быть любимым, вносить свою лепту в ее улучшение, в ее красоту.

Одна из узниц концлагеря сказала: «Каждый день для меня - праздник. Я чувствую себя не жертвой, а победительницей!» Вот слова другого узника: «Радоваться жизни меня научило гетто». Пусть будут их слова кредом для всех переживших Катастрофу.

